

ЭКСМО

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Новый дом
с сиреневыми ставнями

ЛАБИРИНТЫ ДУШИ

Лабиринты души

Галина Артемьева

**Новый дом с
сиреневыми ставнями**

«ЭКСМО»

Артемьева Г. М.

Новый дом с сиреневыми ставнями / Г. М. Артемьева —
«Эксмо», — (Лабиринты души)

ISBN 978-5-699-46239-1

У Татьяны все замечательно. Закончили с мужем строительство дома. Пора обзаводиться потомством. Но неожиданно такое продуманное и заслуженное счастье рушится. Начинаются нешуточные жизненные испытания, которых ну никак не должно было быть. Пришло время разобраться в том, что за невидимая сила дергает за ниточки, превращая существование в страшный фарс.

ISBN 978-5-699-46239-1

© Артемьева Г. М.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Новый дом с сиреневыми ставнями	7
Утро	7
Тонкий ход	11
Плюс	13
Заразные слезы	16
Псалом	17
Муж дома	18
Ночь	19
Ночные решения	19
Как быть?	20
История болезни	22
За что?	25
Дитя большой любви	25
Буся	26
Баба Нина	31
Собачья кровь	35
Вина	36
История Абеяра и Элоизы	39
Было, есть и будет...	39
Радости любви и муки расплаты	40
Олег в доспехах	42
«Семейное счастье»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Галина Артемьева

Новый дом с сиреневыми ставнями

Роман

*Моим спутникам в плавании по эсхатейскому морю:
горячо любимому мужу Константину Лифшицу,
дорогим, любимым детям – Оле, Захару, Паше Артемьевым*

*...И как школьник, я жду не без дрожи,
Что сам Бог меня вызовет строго.
«Я не смог подготовиться, Боже...
Я болел, было задано много...
Я в другой раз отвечу, ей-богу...
Отвечать пред Тобою легко ли?...»
Ах, остаться бы мне, если можно,
Второгодником в жизненной школе!*

Юлиан Тувим. Наука (перевод Давида Самойлова)

Пролог

Молодая русоволосая женщина сидит в кресле, укутавшись в плед. На коленях ее толстая, наполовину исписанная тетрадь. Она пишет и пишет что-то при слабом ночном свете. Переворачивает листочки, вздыхает и снова пишет. Неизменная картинка русской жизни. Как Татьяна у Пушкина, которой не спится от чувств, рвущихся наружу. Женщину так и зовут – Татьяна. И у нее свои слова любви.

Мир сошел с ума. Все поменялось. И все поменялось на неправильное, страшное.

Люди не падают в обморок от жутких вестей. Сжились с ними.

Хотя им по-прежнему хочется надеяться, что их это все не коснется.

Именно их. Потому что они соблюдают правила и законы.

А с другими пусть будет по заслугам. Ведь в мире, где есть правила и законы, не может быть, чтоб зло свершалось просто так, без причины.

Получил? Значит – заслужил! Извлекай уроки! Раньше надо было думать! И предусматривать.

Так рассуждают те, кто предполагает, что мир сошел с ума, но не целиком. И остались отдельные группы, как острова, где царят гармония и порядок. Где держат слово, где не отступают от обещаний, где главное – не наслаждение, а достоинство. Стоит только прибиться к такому острову – и заживешь.

Может быть, так оно и есть.

И все-таки – мир сошел с ума.

Уж слишком мы сжились с тем, что невозможно было себе представить без смертного ужаса.

Говорят, были времена, когда все человечество следило за поисками одного пропавшего ребенка.

Сейчас дети пропадают тысячами. При этом обыкновенные несчастные случаи – удел лишь нескольких на сотню пропавших. Остальные причины мы называем без содрогания: украли на органы, похитил и умучил маньяк, замордовали упоенные жестокостью сверстники.

Говорят, были времена, когда преступники делились на воров и убийц. И воры никогда не пошли бы на душегубство. Даже если светила грандиозная прибыль. Они попросту не могли. У них была другая специализация, ни в коем случае не связанная с гибелью себе подобных. Убийцам было все равно. Но и они лишали жизни человека не просто так. Не зазря. По крайней мере по их представлениям.

Говорят, когда-то людям требовалось много времени (страшно даже представить, насколько много), прежде чем они соединялись в любовном объятии. Они умели ждать, добиваться, терпеть, надеяться.

Мы почему-то превратились в существ, не брезгующих питаться отбросами, падалью.

Мы не терпим промедления.

Главный наш девиз: «Дай!» Не важно – что. То, что я сейчас хочу, – дай!

Потом я это выплуну. Или проглочу и извергну. Но в любом случае – потреблю. По своему мимолетному хотению.

Так получилось. Такое проросло. Не без нашего участия и содействия. Мы живем в таком мире – здесь и сейчас. И что же делать? Надо же кому-то жить именно в таких условиях.

Надо приспособливаться.

Дети больше не гуляют во дворе без присмотра.

У каждого из нас есть телефон (а то и два). Если в течение получаса близкий человек не может вам дозвониться, он впадает в панику: случилось непоправимое. Вполне могло случиться. Полчаса паники ежедневно. Как минимум. А если умножить на количество дней в году...

Мы принимаем всевозможные меры против смертельных болезней. Побеждаем одни, появляются новые.

Как наказание или просто по случаю?

Мы не открываем двери подъезда незнакомцам. И не выглядываем даже в глазок, если на площадке у лифта будет корчиться и стонать смертельно раненный человек.

Мы думаем о том, как бы еще обезопасить себя.

Хорошо бы, в каждого из нас был вживлен такой микрочип, благодаря которому можно было отслеживать местопребывание человека в определенный момент. Тогда не всякий маньяк решился бы похитить беспомощную жертву.

Конечно, слова «свобода», «личное пространство», «частная жизнь» перейдут в разряд устаревших.

Зато сколько жизней будет спасено!

Мир сошел с ума...

А может быть, он всегда был таким? Не совсем здоровым и упорядоченным? Ведь мы о прошлом знаем только то, что нам рассказывают.

И может быть, главный смысл нашего появления на свет и заключается в том, чтобы удержаться и не сойти с ума вместе с погружающимся в пучину безумия миром?

Биться изо всех сил, выскочить и наблюдать за хаосом со стороны?

Впрочем, каждый сражается в одиночку. Даже если уверен совсем в другом.

Новый дом с сиреневыми ставнями

Утро

Кое в чем надо было разобраться. С утра дел полно, причем мышачьих каких-то дел, помелкому силы крадущих. Толку все равно не будет от выяснений, а на самотек пустить нельзя.

Самотек – вот именно! Все в самотеке. Новая душевая кабинка дает течь. Льется из-под нее на изысканный узор мраморного пола огромной ванной комнаты с двумя окнами. И после водных процедур со струями со всех сторон и цветомузыкой надо враскорячку собирать тряпкой воду, отжимать ее в унитаз, иначе заскользишь, шмякнешься враздрызг.

Воображение услужливо предлагает картинки комикса.

Б-б-б-енцц!

Упало голое нечто (признаки половой принадлежности стыдливо скрыты).

Руки-ноги треугольниками в манере Пикассо. Голова в полотенце прикладывается прямо к углу раковины. Полотенце не спасает.

Хрясь!!!

От головы – половина.

Далее – обнаружение равнодушного ко всему тела. Следствие. Вспышки камер. Служебная собака что-то вынюхивает. Опер сдвигает брови, от головы пар: мозгами шевелит.

Муж возвращается домой. Ничего не ожидающий.

Нет, не так: пусть – ожидающий. Приятный вечер при свечах пусть представляющий. И даже – пусть – с большим букетом роз, нет, белых лилий (так больше в тему).

Следаки вместе со служебной собакой пытливо и понимающе на него смотрят: «Ах, ты еще и с цветами!»

Он ничего не понимает, откуда тут вся эта живность и где жена. В круглых глазах застыл вопрос.

А жена – вон она. Лежит. Как звезда, под вспышками камер. Как порнозвезда.

Ужас! УжОс! И все вдруг пальцами, как положено в комиксах, указывают на него: «А вы и убили! Убийец!»

А у него глаза уже квадратные и челюсть отвисла.

Фу, гадость какая! Ну и набросочек!

Сантехник – сволочь! Вот кто настоящий убийца! Но кто же на него, гегемона, подумает! Его дело – сторона. Недовертел чего-то дрожащими от недопоя конечностями и скрылся навеки, получив плату за труд.

Нет, она его истребует, хоть из-под земли отроет и выгребет. И ткнет носом во все эти лужи перламутровые.

Вот дело номер раз!

И дело номер два – молчащий телефон. Тоже из мелких и гадких. Номер дали. Подключили. День работал, гудел, выдрынькивал настырную песню, когда с мобильного на него для пробы набирали. Потом позвонила со станции тетя-робот и велела оплатить задолженность за международные переговоры в размере 25 тысяч рублей. Иначе отключат. Аж дыханье перехватило от неслыханной наглости. Хотя почему от неслыханной? Слыхали, видали. «И я там был, мед-пиво пил...» Приходили счета и на прежний номер за разговоры с Вьетнамом и Таджикистаном такие, что мозг не воспринимал обозначенные цифры. В результате пришлось перекрыть выход на межгород и связываться с друзьями исключительно по мобильнику. Но там хоть ладно. Проехали. А тут – за один день работы обложили!

Вот выехали они, как давно задумали, из города. Создали свое убежище. Дом. Настоящий дом. Такой, о каком мечтали. Такой – крепость с добрыми теплыми стенами, укрывающими от зла и нечистого дыхания внешнего мира. А как от него уберечься, если со всех сторон что-то просачивается?

Наконец – третье дело. Расследование версии сторожихи о пропаже чайника из кухни. Несчастной этой женщине чайник приглянулся с первого взгляда, едва его распаковали.

– Ой! – восхитилась она. – Какой! Вот бы его в больницу! Все бы в палате обзавидовались!

Сторожику Веру держали с давних пор, еще когда на участке ничего, кроме временки, не выстроили. Она была женщиной с фантазиями, игрой в простоту и сермяжность народную. Мастерницей создавать ситуации и извлекать свою жалкую выгоду, которая и не выгода вовсе, из собственных сюжетных построений. Не отказывались от ее услуг из привычки и жалости: она страдала тяжкими невыдуманными недугами, вынуждавшими постоянно лечиться в больнице. Куда ее было выбрасывать, больную и слабую? Духом, правда, Вера была сильной, как никто. В больничной палате лидерствовала, поражала воображение своих сестер по скорбям телесным рассказами о богатстве и мощи своих хозяев, а также тем, какими предметами ее одаривают благодарные и обязанные ей по гроб жизни работодатели, без нее не способные ни на что, как сущие дети.

Надо было, конечно, сразу отдать Вере этот чайник, как только замерцали жадной обладания ее глаза. Алчный огонь вспыхнул интенсивно и внятно.

– На, Вера! – вот что следовало немедленно произнести.

И не вводить во искушение. Сунуть в нетерпеливые руки вожделенный товар, а себе купить самый простой, невидный.

Но в тот день просто очень хотелось пить чаю с мороза. И потому они оставили без внимания взоры и нежные Верины вздохи, обращенные к чайнику.

Всего-то четыре рабочих дня и провел с ними симпатичный электроприбор. На пятый день позвонила Вера, когда они были в городе, и доложила, что в дом залезли воры, через чердак, видно, и унесли чайник!

– Отморозки! – негодовала она. – Твари поганые! Как их земля носит! Как жить на белом свете после такого?

– Только чайник? – уточнил, улыбаясь, муж.

– Только и успели! Меня услышали! – клекотал голос в трубке.

– И назад побежали? – с веселым, но не слышным Вере удивлением подытожил хозяин.

– А то! – подтвердила та. – Везде ж решетки! И двери железные с сигналом! Вот они-то через чердак и намылились!

Почему, прежде чем гнать эту туфтеню про чердак, она просто не подняла свою полную страстных задумок черепную коробку ввысь и не углядела, что на чердачном окне тоже имеются решетки? Не заметила из-за закрытых ставен, наверное. И не усомнилась ни на миг! Совсем их за идиотов считает. Вот: не увольняют ее, убогую, все выходки прощают. Значит – недоделанные. А с такими можно по-всякому. И сказочку рассказать, и песенку спеть, и слезу пустить по случаю. Театр!

Так и возникло третье дело. Разговор с Верой. Наглядный урок. Демонстрация решеток на чердаке и какого-никакого ума хозяев. Как бы получше сказать?

– Вера, чайник оставьте себе, но в следующий раз...

Или:

– Вера, наверное, мы сами куда-то задевали чайник, но это были не воры: на чердаке решетки...

Или:

– Вер, если случайно чайник у вас, пусть уж так и будет, мы новый купили...

И про чердак – ни слова. До следующего раза. В конце концов она уже почти родная, Вера бедная эта. А чайник – что? Бездушная вещь. Стоит ли из-за вещи человеку в душу плевать?

Вот ведь – дело! Ничто, пустота. И на это тратится жизнь. На пропойц, воров всех сортов и мастей и просто слабоумных, имеющих, впрочем, такое же право на существование, как и они, вооруженные знаниями, хорошо реагирующими мозгами, цепкой памятью, способностью обеспечить себя и надежно обустроиться в ненадежном мире.

Значит, надо все принимать как есть. Елозить с тряпкой по полу после удовольствий от водных процедур в душевой кабинке.

Это отрезвляет. И посему – в плюс.

Полезно думать о главном. О том, что сбываются мечты. Что препятствия одолимы. Что любовь и добро восторжествуют по-любому. Сказки не врут. Ни в чем. Они модель обозначают. Программу, созданную народом за тысячелетия накопленного опыта.

Пройди все испытания – и заживешь долго и счастливо. Проявляй терпение, целеустремленность, доброту. Ешь каждый пирожок, предложенный тебе непонятно откуда взявшейся в чистом поле печкой, и она укажет тебе верную дорогу. Стаптывай железные башмаки, пару за парой, дружи с Серым Волком, воюй против Кощея Бессмертного и, главное, не сжигай шкурку Царевны-лягушки, если не хочешь дополнительных осложнений.

Все прописано. Будь хорошим, не будь плохим. Улыбайся сквозь слезы и благодари за все. И когда ты надоешь судьбе своим долготерпением, она потеряет к тебе интерес и оставит тебя в покое. Тогда можно будет пожинать плоды и переводить дух.

Так Татьяне и казалось: самое время перевести дух. После всех усилий, ударов, подножек и суетни.

Она вспомнила, как это часто с ней бывало, когда нуждалась в помощи извне, любимые стихи:

Мне стали безразличны
Большие города:
Они не больше скажут,
Чем эта лебеда.

Мне безразличны люди
С их тысячью наук:
Годится первый встречный,
Чтоб с ним делить досуг.

...

В тенистой тихой чаще
Я понял счастье жить.
О Боже, как за это
Тебя благодарить! ¹

Ладно, мелочи разгребутся. Главное останется. Просторный дом с сиреневыми ставнями. Яблоневый сад. Сосна у калитки. Ласточкино гнездо под крышей. Глаза мужа. Добрые его руки. Нежность к нему. Неизбывная. Та, что дарится свыше и навеки. И сохраняется, несмотря на все бытовые передряги. Цепкие мелочи – это «пятна на Солнце». Солнце слепит, сияет, греет. Астрономы твердят о пятнах, но простому глазу не разглядеть. И – надо ли? Солнце

¹ Юлиан Тувим. Счастье (перевод Анны Ахматовой).

жизнь дает, осчастливливает. Так и любовь ее к мужу и его к ней дарит силы, свет и надежду. Поэтому все «пятна» не считаются. Пропускаются без внимания. И после ссор и дурацких стычек, затеянных от усталости или под влиянием чужеродной враждебной силы, достаточно просто улыбнуться друг другу. Или обняться молча.

Тонкий ход

Дела сегодняшнего, обычного во всех отношениях дня делились на внутренние и внешние. Внутренние (слесарь, телефон, чайник) и были самыми едко-противными.

Наружные – просто чудо расслабления, никаких тебе скотских разборок: парикмахерская, профилактический осмотр у дантиста, который она проходила раз в полгода «просто так», никогда не страдая от зубной боли. И последний визит – женский доктор. Потому что наступает новый этап жизни. Дом готов. И они с мужем готовы стать родителями. Они десять лет назад договорились, что ребенок будет, когда будут достойные условия жизни. И все эти годы работали ради этих условий. Теперь – пора. Сегодня узнает результаты анализов, это чистейшая проформа из привычки все делать обстоятельно, а потом любовь приведет их к самому главному ее воплощению – ребенку. Просто надо убедиться, что здоровье не подведет. Татьяна выросла в семье врачей и знала, что главное – вовремя найти в себе зародыш хвори, чтобы не дать ей расположиться в организме по-хозяйски.

Удивительно начинался день.

Сантехник заявился сам. Зря она его сволочью величала. Оказывается, вчера, во время плохого самочувствия, он забыл про какой-то вентиль, что-то не переключил, а сегодня спохватился и готов устранять, налаживать и подгонять.

Татьяна немедленно устыдилась. Безмятежности ей не хватает. Всю жизнь страдает от этого. Распалается из-за ерунды. Не дает событиям развиваться по своей воле. Все предвосхищает. Ну даже если бы гегемон и не объявился? Ну подтирала бы пол – и все! Работу мысли зачем подключать?

На этом стыде и раскаянии ей почему-то удалось с первого раза дозвониться до телефонной станции и непривычно для себя ласково и просительно потолковать о странном счете за переговоры. И тут все прояснилось с необъяснимой быстротой.

– Сбой системы у нас, – вполне дружески и сочувственно объяснила Татьяне работница телефонной станции. – Не мог у вас такой счет за день набежать, это ж ясно. И не волнуйтесь! Сейчас все подключим заново.

Чудеса какие-то творились! Все – само собой! Такого еще не было. День удавался особенный.

Может, ну ее, Веру с чайником? Пусть думает о них, как о придурках конченных.

По дороге в город Татьяна придумала тонкий ход. Вполне в духе прихотливых изгибов загадочной славянской души. Надо купить точно такой же чайник, как пропавший. Принести Вере в подарок. Сопроводительный текст такой: «Хотела я тебе, Вера, подарить тот чайник, чтоб в больнице он тебя радовал. Но раз грабители лишили тебя такой радости, вот – получай новый. Главное, будь здорова».

И тогда пусть уж Вере будет стыдно, а ей – нет. Может, не станет после этого Вера в вещах их шарить? Вряд ли, конечно. А вдруг? Капля камень точит. Добром и терпением все преодолеешь.

От ловко придуманного сюжетного хода настроение поднялось. Пошли мысли совершенно дамские: что делать с обнаруженной недавно сединой? Едва заметной, но все же. Ей было 28, когда появился у нее первый седой волос. И она загордилась даже, показывала всем: смотрите, мол, что жизнь с людьми делает.

– Нашла, чем хвастаться, – усмехнулась тогда старшая по возрасту коллега. – Вырви и забудь.

Теперь у нее уже маленькая седая прядка на макушке. Седые волосы отличались от других. Они были жестче, непокорней, как будто не к ней имели отношение, а сами по себе существовали на выбранном ими пространстве. Интересно, если их закрасить, сойдутся ли они с

остальными волосами характером? Нет, это знак. Это что-то новое в ее жизни. Пусть пока остается как есть.

Подправив стрижку и навестив зубного врача, Татьяна отправилась за чайником.

Ей нестерпимо захотелось сразу же ринуться к Вере и разыграть весь задуманный сюжет. Она не знала, устыдится ли Вера. Лично она бы очень засовестилась. Но по себе нельзя судить. Другие чувствуют по-другому. У каждого свой опыт диалога с совестью. Таня не брала чужого давно, с детских лет. Жизнь обязательно помещает всех невыросших людей в ситуации, определяющие потом их взрослое существование. Никто особо не поучал девочку Таню, что брать то, что тебе не принадлежит, плохо. Однажды совершенно бездумно залезла она в отцовский карман и вытащила жалкую горстку пятак и двухкопеечных монеток. Подержала их в ладошке, и тут в коридор вышел папа, принялся натягивать пальто, шарф. Растерянно пошарил в карманах: «Странно, я вроде вчера пятак для метро наменял и двушки на автомат, неужели мимо кармана сунул?» Он бывал иногда рассеянным и очень сердился на себя за это.

Таня стояла ни жива ни мертва, кулак с мелочью сам собой спрессовался в нечто гранитно-целостное, не разжать, пальцы не распрямить, медяки из ладони не выковырять.

Папа еще невыносимо долго собирался в прихожей, шарфом шею обматывал, книжки в портфель запихивал. Таня изо всех сил притворялась безучастной, но не уходила, провожала папу на работу. Как всегда. Сердце бешено стучало. Страшно было, что папа услышит этот стук и обо всем догадается.

Как только за ним закрылась дверь, Таня ринулась в комнату, где стоял ее диванчик, и выбросила свой позор в щелочку между стеной и диванными подушками. Денежки даже не зазвенели, закатились себе куда-то и пропали навеки.

Зато стыдная память осталась. Ужас пережитый угнездился. И все. Больше не крала. Поняла: себе дороже и не впрок. Но не у всех же должно быть, как у нее. Другим, может, стыдно не бывает вовсе. Они думают, например, что все для них, что им положено по праву бедности или какой-то другой обделенности. А то и наоборот – по праву избранности и несходства с общей массой.

Как в этом отношении устроена Вера? Есть ли у нее совесть и хорошо ли слышны Вере ее укоры? Таню подталкивал и профессиональный интерес сценариста. Можно будет потом этот эпизод куда-то вклеить. Главное – увидеть, в чем правда жизни окажется.

Плюс

С женским врачом Таня познакомилась давным-давно, они много лет уже хорошо дружили. Характерами совпали. Все смеялись, разыгрывали друг друга, насколько выдумки хватало.

В первый же Танин визит Саша (тогда еще, конечно, Александр Иванович) поведал программный анекдот про диалог врача и пациента: «У меня две новости: плохая и хорошая. С какой начнем?» – бодро потирает руки доктор. Пациент смиренно предлагает начать с плохой. – «Вы умрете», – докладывает доктор. – «А какая же тогда хорошая новость?» – интересуется сраженный наповал больной. – «Я вчера переспал с секретаршей!» – торжествует врач.

– Ой! Меня это как-то касается? – откликнулась тогда на черный юмор Татьяна.

– Вас никак, с вами скучно, у вас все в образцовом порядке. Новости только хорошие...

Так у них и повелось с тех пор: «У меня для тебя две новости...»

Она вошла в кабинет, готовая шутить и смеяться в ответ на Сашины шутки.

– У тебя для меня две новости, да, Саш? – начала она, поцеловав немного колючую щеку.

Саша выглядел усталым, опустошенным, что вполне можно понять: прием с восьми утра, женщины тянутся одна за одной. Вот, даже щетина успела отрасти к концу рабочего дня.

– Хочешь кофейку? – спросил он, не подхватывая привычную тему. Видно, совсем достали его бабы.

– Вообще-то, нет, – ответила было Таня, но тут же передумала: – Но если ты будешь, с тобой за компанию.

– Лар, сделай нам две чашечки, – бесцветным голосом пробурчал доктор медсестре.

– Конечно, Александр Иванович! Я мигом.

– И не торопись. Мы... поговорим пока. Не спеши.

Таня заметила: он слова из себя буквально выдавливал. И встревожилась:

– Саш, дома все в порядке? Как твои, все здоровы?

Он даже не ответил. Сел напротив, постучал указательным пальцем по столу. Потом взял карандаш. Принялся стучать им.

Танино сердце вдруг ухнуло, как при падении с высоты. Что-то он знает о ней страшное. И не может начать говорить.

– Я не боюсь, – сказала Таня, глядя прямо в чужие глаза, стремящиеся увернуться от ее взгляда, как от яркого света. – Я не боюсь, говори!

– Надо сделать дополнительные анализы, – сказал доктор, внимательно разглядывая карандаш.

– Зачем? Какие анализы? – шепнула Таня, хотя ей показалось, что она пронзительно и властно крикнула.

– Крови, – нехотя выдавил из себя врач.

– Зачем? Что со мной?

– Чтоб точно знать...

– Что? Скажи – что? – потребовала Таня.

Доктор отшвырнул карандаш. Хлопнул ладонями по столу. Решился.

– Новости такие. Все равно узнаешь. Ладно. Не важно, с чего начать. Первое. Анализ мочи показывает: ты беременна. Изменений сама не ощущаешь? Не подташнивает? Задержка у тебя какая?

Он разнервничался из-за этого! Вот глупость! Смешная неожиданность: хотела забеременеть после анализов, а получилось – до. Вполне могло получиться, хотя Таня не думала, что все так выйдет, как по заказу. Но – неужели? И пусть! Дом готов. Ничто не мешает...

– Не тошнит, голова немножко кружится по утрам. И задержка... Только сейчас и вспомнила про нее. Дней восемь задержка. Так бывает иногда...

– Так бывает всегда, когда женщина беременна, – раздраженно прервал ее лепет доктор. – Это все мы подтвердим, посмотрим, сделаем УЗИ.

Он замолчал, исподлобья испытующе глядя на Таню.

Она, ошеломленная новостью, несколько секунд на каком-то самом заднем плане воображения, прокручивала сцену сюрприза, как она сообщит мужу новость... Как надо вечером устроить праздник. Даже два – новоселье еще не справляли...

– У тебя как с Олегом? – спросил вдруг доктор.

– Он будет рад, – улыбнулась Таня, не выплывшая из своих грез.

– Я не о том. Ты – с ним? Все у вас в порядке?

И эти вопросы задавал неприменный участник всех семейных торжеств! Друг, который знал все!

– Я тебя не понимаю, Саш. Что у нас может быть с Олегом не в порядке? Да скажи ты прямо, что не так. И все. Не темни.

– Анализ на ВИЧ дал плюс, Тань, – злобно выпалил доктор, – вот что не так.

Таня не понимала, улыбалась Сашиной злобе и не понимала ровным счетом ничего.

– Ты поняла, что я тебе сейчас сказал? – запальчиво проговорил врач.

Тут открылась дверь, и в кабинет принялась осторожно вползать медсестричка Лара с подносом, уставленным всякими красивыми и явно вкусными штуками. Запах кофе немедленно перекрыл скорбный медицинский дух.

– Поставь поднос и выйди, – распорядился Александр Иванович, не глянув даже в сторону своей помощницы.

Они вновь были одни. Таня очень медленно начала соображать, о чем идет речь. Она даже поняла, что Саша злится не на нее, что он расстроен каким-то плохим анализом. И еще ей безумно захотелось глотнуть кофейку.

Не отводя глаз от Сашиного лица, она взяла чашку и выпила все, что в ней было. Как лекарство. Кофейная горечь помогла. Стало ясно: ее жизнь больше не имеет никакого значения. С ней почему-то все кончено.

– Ребенку не жить. Я скоро умру, – кивнула она врачу, объясняя, что все-все поняла наконец. – И неужели это правда? Это же невозможно.

– Все не так говоришь, – качнул головой Саша, – давай по пунктам: прежде всего надо сдать повторный анализ. Ошибки бывают. И нередко. В твоем случае я склонен утверждать, что это скорее всего ошибка. И повторный анализ все разъяснит. Слышишь меня?

– Я же не могла нигде, никак, правда, Саш? Никаких уколов, никаких переливаний крови.

– Но сексуальные контакты...

– Нет! – воскликнула в ужасе Таня. – Нет никаких контактов!

Саша вымученно улыбнулся:

– Ну что ты такое говоришь, подумай сама! А ребенок откуда взялся?

– Так это разве контакт? Это же я с мужем. Мы же с Олегом...

Она боялась думать дальше. У нее зуб на зуб не попадал от ужаса, вошедшего в ее жизнь.

– Надо сдать повторный анализ, Тань. И Олегу надо сдать, – очень четко артикулируя, произнес доктор. – Поговори с ним. И даже если все подтвердится, даже в этом случае ребенок может родиться здоровым. Много таких случаев.

– Много случаев, что ВИЧ? – с огромным трудом выговорила Таня. Губы и язык почему-то совсем перестали слушаться.

– И ВИЧ, и довольно долгая жизнь, и дети здоровые, – вздохнул Саша, – Бог дарит шанс...

– Но если это все так... плюс этот... то откуда? Я просто не понимаю, как хочешь, откуда? Это же не грипп, не передается по воздуху. Это...

Лицо доктора пошло красными пятнами. Как у Таниного отца во время приступа гипертонии. Таня по привычке испугалась этой красноты и синих жилок: надо что-то делать, надо спасать, с давлением шутки плохи.

– С Олегом ты должна поговорить. И вместе – ко мне. Жду завтра с утра. Ты одна домой доберешься? Ты как?

– Я ничего, Саш. Я ничего. Я продышусь и поеду. А ты как? У тебя давление, да?

Саша обнял ее и погладил по голове:

– Жить будем. Долго и счастливо.

– А придет конец – помирать будем, – кивнула Таня, собравшая последние силы, чтоб не реветь прямо на глазах человека, которому и так хуже некуда.

Заразные слезы

Отревелась она в машине, положив голову на руль. Все вокруг было мокрым от ее слез. «Наверное, у меня и слезы теперь заразные?» – подумала она, ужасаясь в очередной раз. Страх накатывал волнами. Выталкивал новые слезы и всхлипы, рождая мысли одна кошмарнее другой.

Самая главная мысль «За что?» возвращалась циклически, затмевая все остальное.

Она задавала вопросы потусторонней силе, и ответы возникали немедленно, как свои собственные.

Ребенок мог быть еще десять лет назад. Десять детей уже могло быть, как было у ее прабабки, жившей бедно, но весело. Не было бы дома. И что? Дом теперь будет стоять пустой, как памятник расчетливой глупости. Человек предполагает, а Бог располагает. Ну, не получится у человека все по плану его. А если и получится, то до поры до времени. Домики-то мы строим даже не на песке, на воздухе. И из воздуха. Воздушные замки... Сегодня мы есть, завтра – нет. И что оставим? Домик?

Точная копия увиденного когда-то в Швейцарии у подруги, вышедшей замуж за добропорядочного гражданина славного города Берна. Ставенки, черепица, камин. Покоя не давала эта картинка. И мысли надиктовывала: время есть, куда спешить, все в твоих руках. Ну не было бы сейчас этого домика и что? Были бы дети, здоровые, веселые, наглые, пусть двоечники и хулиганы (она-то все плохих условий боялась, уроки им делать будет негде якобы). И Олег бы тогда...

Нет, нет, нельзя думать плохо. Но и повязку на глаза нечего наматывать, затычки в уши запихивать незачем. Она же видела, чувствовала в последнее время, что все изменилось. Ирония, отстранение, раздражительность... Однако она была самая умная, она знала все. Она себе объясняла: кризис десяти лет, пройдет. Ребенок родится, новая жизнь, новые импульсы, цели. Все по плану.

Снились ей в последнее время сны. Страшные, жуткие, цепкие. Все повторялись и повторялись. Идет она по улице, а навстречу ей Олег. Она машет, улыбается. Он смотрит мимо, как бы сквозь нее. Оглянувшись, она видит девушку, летящую навстречу Олегу. Тот подхватывает ее на руки, они кружатся, обнимаются, смеются друг другу. «А как же я?» – спрашивала во сне Таня. И Олег пожимал плечами. Как совсем чужой человек в ответ на вопрос чужого.

Она рассказывала об этих снах-мучителях мужу, и тот щелкал ее по носу легонько, чтобы не говорила глупости, не верила ночным бредням. И Таня тут же возвращалась в добрую реальность своей хорошо спланированной жизни.

О чем там спрашивал ее врач только что? Об этих... сексуальных контактах. Самой себе врать не надо: изменились эти контакты в последнее время. Не было нежностей, ласк, объятий. Все по-быстрому, как с вещью, с предметом привычным. И вопросов не было про то, хорошо ли было, и поцелуев перед сном не было. «Устал, – объясняла себе Таня, – оба мы устали. Вот построим дом...»

Сколько стоит теперь вся ее жизнь вместе с домом?

Псалом

И все равно. Надо было успокаиваться. Готовиться к худшему, но успокаиваться, чтобы продолжать жить. Она полезла в бардачок за косметичкой, рука нащупала книгу. Молитвослов. Вот что важнее всего сейчас. Она будет читать и читать молитвы, они-то и подскажут. Книга открылась сама собой. Таня взглянула на страничку:

«Вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся, и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое. Постави на него грешника, и диавол да станет одесную его. Внегда судитися ему, да изыдет осужден, и молитва его да будет в грех...»

108-й Псалом, Проклятие царя Давида, вот что ей выпало: «...за любовь мою оболгали меня, я же молюсь, и воздают мне злом за добро, и ненавистью за любовь мою. Поставь грешника, и диавол станет по правую его руку. Когда будет судиться, пусть выйдет виновным, и молитва его да будет в грех...»

Кому эти слова, неужели ей? Или тому, кто виноват перед нею? И кто виноват?

Таня читала страшный псалом от начала до конца, не зная, какой темной силе, исказившей ее жизнь, адресовать его.

Муж дома

Она долго молилась, выбирая все самые дорогие сердцу молитвы, пока жизнь по-прежнему не засияла перед ней великим счастьем и великим значением. Ей стало казаться, что она поняла, в чем была виновата перед жизнью и в чем жизнь милостива к ней. В ней зародилось новое. Вопреки всему. Ведь если бы ребенок не получился до этой страшной вести, она бы ни за что не решилась даже думать о его появлении на свет. А сейчас он уже есть. И может родиться здоровым. Значит, нужно набраться сил и ждать. Нужно смириться с тем, что все сложилось так, как сложилось.

Главное – научиться жить от одного дня к другому, медленно-медленно, не спеша, смаковать отпущенные минуты по капельке.

Она ехала на встречу с мужем, как на первое свидание.

Им предстояла правда. Самый жестокий и горький напиток на празднике жизни.

Таня издали увидела, что окна дома светятся, и привычно обрадовалась: муж дома. Выходя из машины, заметила на заднем сиденье забытый чайник, декорацию «следственного эксперимента». Как давно это было! Не может быть, что только сегодня утром. Вера, мысли о совести, жажда изобличения, поиск сюжета... Она взяла коробку, медленно поднялась по ступенькам.

Дверь распахнулась. На фоне яркого света она видела лишь неясный темный силуэт, тянувшийся к ней для объятия. Сердце ее пронзила жалость. И она была рада этой жалости, как спасению собственной души, как шансу выжить и выстоять.

Олег, смеясь, подхватил ее ношу:

– Да ты никак чайник для Веры купила? Ну все! Сушите весла: я тоже!

Ночь

Ночные решения

Что важнее – день или ночь? Кому как. Мы ведем отсчет своей жизни по дням. Именно днем происходит главное. День приносит события, известия, крушит, соединяет. День высвечивает, вытаскивает наружу темные тайны. День – время человеческой активности. А значит – время ошибок, проблем. Получается, если мы подсчитываем наше время днями, мы собираем в кучу все, что нагромодили сами и что добавили нам «до кучи» наши родные, друзья и враги.

Галлы и германцы отсчитывали свое время количеством прожитых ночей. То же делали исландцы и арабы. Наверное, у них были на то свои причины. Мы их не узнаем. Но тысяча и одна сказка, рассказываемая Шахерезадой своему грозному супругу Шахрияру из ночи в ночь тысячу и один раз, спасла ей жизнь и смягчила сердце тирана. Ночами воинственные галлы и германцы обдумывали и устраивали хитроумные засады, в которые днем попадали их враги. Исландцы, наверное, любовались небесным сиянием. Из ночи в ночь. А днем слагали об этом свои саги.

Те, кто ночами просто безмятежно спит, скорее всего не задумываются о том, какое же это счастье.

Ночной сон – великое благо, великий дар. Каждую ночь человек меняется до неузнаваемости. Его кровь замедляет свой бег, половина ее уходит на отдых.

Ночами мы живем далеко от тех мест, где действуем днем. А проснувшись, досадуем, потому что, бывает, нам совсем не хочется возвращаться сюда, в мир, где нельзя летать, где невозможно перескочить из одной ситуации в другую, если первая сулит катастрофу.

Днем человек боится одиночества как наказания. Ночью каждый из нас наедине с собой. Мрак иногда освобождает мысли от дневной слепоты. И мы не зря доверяем и доверяемся тьме. Ночные решения самые верные. Так утверждают те, кому приходилось стоять перед выбором.

Как быть?

Таня проспала не больше получаса и проснулась, как от толчка. В первые мгновения она была спокойна и счастлива. В новом доме пахло чистотой, свежестью. Так должны пахнуть сбывшиеся мечты: хвоей и холодным ветром. Ведь настоящая мечта, даже осуществившись, продолжает удивлять и открывать новые дали.

То, что никаких горизонтов в ее жизни больше нет, она вспомнила очень скоро. И сон горестно отлетел.

Ей надо было вспомнить все и решить. Это только на первый взгляд казалось, что от нее не зависит ровным счетом ничего. Жди, мол, конца в своем капкане. Покорись и жди. Не делай лишних движений, чтобы не было больнее. Скули неслышно, чтобы не привлекать крупных хищников. Изображай благополучие, прячь ловушку, в которую попала, от чужих глаз. Улыбайся через силу.

Ей представлялось, что она идет по узенькой жердочке, а внизу – шумная быстрая река с каменистым дном. Сорваться ничего не стоит. Шансов не упасть практически нет. Но нет и возможности повернуть назад. Значит – что? Падать сразу? Или шаг за шагом идти? Если выбираешь второе, продумывай каждый шаг и не вздумай предаться отчаянию. Только теперь Таня поняла, почему отчаяние считается смертным грехом. Оно губит хуже всякой другой гибели. Отчаяние – это всегда вопль: «За что?» И упреки судьбе за несправедливость жребия. Вопрос «за что?» надо вычеркнуть и к нему не возвращаться. Лучше отвечать на вопрос «как?».

Как быть с Олегом?

Сказать ли ему сейчас и пойти вместе утром сдавать кровь или сначала убедиться самой и действовать в зависимости от результатов нового анализа?

Сказать ли ему о ребенке?

Вечером они отправились к Вере. С одним из купленных чайников. Олег был таким, каким она любила его прежде, – нежным, веселым, внимательным. Шутил не так, как в последнее время, саркастично и злобно даже, а открыто, легко. Вера жила в пяти минутах ходьбы от них. Глупо ехать на машине. Но темень – как будто в повязках на глазах шли. Олег одной рукой обнимал Таню за плечи, другой держал коробку с подарком. Тане, обычно такой осторожной, было все равно, упадет ли она в темноте, подвернет ли ногу, расшибет ли коленки, испачкается в грязи. Она боялась одного – заплакать. Или начать задавать вопросы, время которых еще не пришло. Она шла в ногу с Олегом и в темноте надевала на себя лица: раздвинула губы, обнажились зубы – это получалась улыбка, широко распахивала глаза, собирала губки бантиком – выходило пристальное внимание. Она всю дорогу тренировалась, чтобы окаменевшее лицо ее научилось хоть немного быть похожим на прежнее.

– «Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной, – дурашливо запел Олег голоском сказочной девочки Элли в такт их шагам, – идем дорогой трудной, дорогой непростой...» Эй, давай, подпевай, чур ты Железный Дровосек...

Он крепко прижал к себе Таню, побуждая ее включиться в песню. Она сглотнула, велела себе действовать, как от нее того ждут, и подтянула низким, «железным» голосом: «Чуд-десных тр-р-ри ж-желания исполнит гудрый Мудвин...»

– Гениально! – восхищенно прервал ее муж. – Как всегда у тебя! Это ж надо – гудрый Мудвин! Нарочно не придумаешь.

– Я не нарочно, – тускло подтвердила Таня, – давай... мудрый Гудвин. И Элли возвратится...

– И Элли возвратится, – мгновенно со значением вступил Олег, – с Тотошкой домой!

Окна в доме Веры были темны, безжизненны. Ясно, что хозяева отсутствовали. Олег для порядка позвонил, постучал.

– Ну вот! В кои-то веки собрались всей семьей с подарком навестить людей, а они свалили в неизвестном направлении. И когда будут, не сказали. А должна стеречь, между прочим, – принялся шутливо возмущаться муж.

Он на минутку поставил злополучный подарок у ступенек крылечка, взял обеими руками Таню за плечи, развернул к себе, обнял.

«Он хочет целоваться! – ужаснулась Таня тому, чему бы еще прошлым вечером обрадовалась несказанно. – Он хочет целоваться, а я не знаю, можно ли. Вдруг я заразная, а он нет?»

Она уткнулась лицом ему в шею, так, чтобы он не дотянулся до ее губ.

– Ты чего? – обиженно протянул Олег.

– Я... у меня, кажется, грипп намечается. Знобит, ломит все тело, – удалось придумать Тане.

Олег поверил. И это было первое испытание в огромной череде предстоящих испытаний, которое ей удалось преодолеть.

Он поверил и тому, что Татьяна в преддверии гриппозных лихорадок, повышений и падений температуры, упадка сил и возможных осложнений должна доделать срочную работу, ради чего ей необходимо обосноваться ночью в кабинете, а не с ним в супружеской постели.

Конечно, он был разочарован. Он явно собирался провести с ней любовную ночь. Но жена выглядела такой жалкой, глаза ее обведены были кругами, осунулась вся за считанные часы...

Дома он напоил ее чаем с медом. Заставил натянуть шерстяной свитер, укутал в плед.

– Пока, – попрощалась Таня, закрывая за собой дверь спальни.

– Выздоровливай скорей! Я жду. Нам пора беби делать!

– Сделаем, – согласилась она. И, стоя спиной к двери, раздвинула губы так, чтобы обнажились зубы. Улыбнулась.

Она и правда уснула, как больная. Быстро. Раз – и провалилась.

И так же быстро проснулась. Потому что надо было отвечать на многочисленные вопросы «как?».

Как в следующий раз отказываться «делать беби», пока не пришли результаты анализа?

Как разобраться, изменял ли муж или нет?

Как ей теперь вообще жить и сколько этой жизни осталось, если все окажется правдой?

История болезни

Таня отчетливо помнила, как впервые узнала о СПИДе.

– Все! Человечество доигралось! Будет нам теперь Содом со своею Гоморрою, – торжественно объявил папа, постоянно читавший зарубежную прессу.

На этот раз в его руках находился югославский журнал «Svjet», то есть «Мир». Югославия занимала особое положение среди стран, строящих коммунизм. Они вроде его и строили, но «шли своим путем» благодаря сильному и склочному характеру своего лидера Иосипа Броз Тито, сумевшего быстро и эффективно рассориться со своими союзниками. Дружить он хотел, но быть младшим братом в семье разношерстных народов, зачастую насильно ведомых в светлое будущее, отказывался горячо и категорически. В результате, не получая поощрительных подачек ни от старшего кремлевского брата, ни от собак-империалистов, балканский вождь, чтобы жители его страны могли хоть как-то добыть себе средства к существованию, разрешил своим подданным выезжать из страны на заработки. Югославы ездили добывать деньги на пропитание в Западную Германию и ряд других капиталистических стран. Посылали семьям материальную помощь, вещи, журналы. Гастарбайтеры. Именно рабочие турки и югославы породили это прижившееся ныне и у нас немецкое слово, ничего стыдного и позорного не обозначающее. Просто гость-рабочий.

Работа за рубежом носила массовый характер. Как следствие югославская журналистика обладала большой свободой подачи информации из-за рубежа. Все равно ведь узнавали и так.

Западную прессу в наши имперские времена в газетном киоске купить было невозможно. А вот югославские журналы приходили почти регулярно. Все-таки Югославия, хоть и с натяжкой, считалась братской страной. Папа дружил с киоскером из «Союзпечати», тот оставлял ему все, что получал (а были это в основном женские журналы). Правда, иногда некоторые печатные органы в продажу не поступали, не пропускала цензура из-за нападок на Советский Союз. Женских журналов с картинками и фотографиями светской хроники со всего мира это касалось в меньшей степени. Но и оттуда папа извлекал поразительные сведения. Вычитывал, сообщал домашним и только потом отдавал издание в руки своих женщин, все равно не понимающих в сербско-хорватском, а, подобно малым детям, разглядывающих цветные картинки.

С лазурных берегов Адриатики пришла к ним в дом весть о страшной болезни. И было это в 1986 году.

Папа подробно, без пропусков прочитал им про AIDS. Так сокращалось название болезни в английском, так его называют во всем мире. Так называла весь этот ужас Таня, пересказывая содержание статьи школьным подружкам. Русскую версию названия узнала она спустя год, когда и у нас появился свой первый больной СПИДом.

Вся семья с ужасом разглядывала фотографии умирающих в тяжких страданиях людей. Все они (а описывалось не менее семи случаев) были крайне истощены и покрыты жуткими язвами. Особенно выразительными были глаза несчастных: огромные, лунные (так Таня назвала их про себя), они выражали нечеловеческую тоску.

Папа тем временем выразительно читал: «Началом истории болезни считают 1978 год, когда в США и Швеции были зарегистрированы симптомы этого заболевания...»

– Ну понятно, не зря я сказал сразу: Содом со своею Гоморрою – у гомосексуалистов первых проявилась зараза!

Про Содом и Гоморру Таня знала, так как бабушка, папина мама, любила пересказывать поучительные истории из Ветхого Завета в воспитательных целях. Два этих древних города благоденствовали и процветали, но жители их были злы и весьма грешны, за что Бог после неоднократных попыток найти среди растленного населения хотя бы несколько праведников залил эти очаги греха серой и огнем. Вместе с не поддающимися исправлению греховодниками.

Спасти разрешено было только единственному праведнику Лоту с женой и дочерьми. Жене, правда, не повезло. Она, уходя, оглянулась на родной город, что было строжайше запрещено, и превратилась в соляной столп. Ну, женщины вечно нарушают. Начиная с первой, Евы. И никакие наказания им не страшны... В общем, жители были истреблены в назидание потомкам. Чтoб те отдавали себе отчет, что за преступлениями неотвратимо следует наказание.

– Горя не знали вообще, разбаловались, – комментировала бабушка, – а если горя на людей нет, они распоясываются, начинают грешить!

– Как грешить? – пугалась Таня, зная за собой много грехов.

– Ну, как грешат... – начинала бабушка агитационную беседу, – а то ты не знаешь, как грешат. Начинают с малого! Не слушаются родителей! И вообще старших! Пререкаются! Не желают трудиться в поте лица, то есть учиться в полную силу!

«Ну если за это – огонь и сера, всем скоро хана», – думала Таня.

Наблюдательная бабушка видела тени сомнения на лице внучки.

– С этого все начинается, – внушительно подчеркивала она. – Это – фундамент. И на этом фундаменте произрастает дальнейшее растрение.

– Какое? – любопытствовала Таня, которой важно было знать, чего именно в своей жизни она должна избегать напрочь.

– Всяческое! – туманно сулила бабушка. – Всевозможное. Вырастешь – узнаешь. Пока заботься о фундаменте!

Позже, из других источников, Таня узнала, что именно скорее всего подразумевала бабушка под суховатым словосочетанием «дальнейшее растрение».

К моменту прочтения папой статьи про СПИД она была просвещена настолько, что слово «гомосексуализм» не казалось ей непонятным: подумаешь, ну влюбляются друг в друга два мужика. Целуются там... и все такое. Смешно, конечно, до ужаса, если только представить. Так же смешно, как когда артист Калягин изображает тетку в кино. Или мальчишки на капустнике танцуют «Танец маленьких лебедей» в белых балетных пачках. Это же невозможно, чтобы всерьез. Это обычное баловство, шутка, ну, как будто бы. А вот, оказывается, за это самое «как будто бы» и пролился огненный дождь на злых грешников Содомы. А теперь вот другое наказание. Еще страшнее прежнего. Тогда-то раз – и готово. А сейчас – долгие мучения, рак, воспаление легких, страдания, угасание. И никакой надежды.

– Слушайте дальше и трепещите, – продолжал просвещать своих домочадцев папа. – В 1981 году в США возникла особая болезнь – редкий рак кожи. Он встречался только у геев, поэтому его так и называли – gay cancer.² Тогда еще не знали, что так проявляет себя новая болезнь – синдром приобретенного иммунного дефицита. В тот год в США от непонятной этой болезни умерло 128 человек. Только через год догадались, что болезнь как-то связана с кровью. Еще через год количество умерших в Штатах составило более полутора тысяч человек. И именно в 1983 году французский ученый открыл вирус иммунодефицита человека (ВИЧ). Его считают причиной возникновения болезни. В 1985 году было установлено, что вирус этот передается через жидкие среды человеческого тела: кровь, сперму, женские секреты и материнское молоко.

И вот смотрите, в Штатах всю трубят об этом кошмаре, предупреждают. Общественную организацию создали под девизом «Молчание – смерть». А у нас – тишь да гладь...

– А чего порядочным людям бояться? – откликнулась мама. – Ты же сам говоришь: Содом. Вот пусть такие и боятся.

– И порядочных касается! Смотри, вот видишь фото – это порядочный. Женат, никаких связей на стороне. Кровь во время операции перелили. От зараженного донора...

² Рак гомосексуалистов (англ.).

Тогда, в далеком восемьдесят шестом году, невозможно было представить, в какой прогрессии будет увеличиваться число больных. Россия, как всегда, была захвачена врасплох. Шквал наркомании, заражение через использованные шприцы, миллионы смертей. И наш идиотский фатализм, рабская покорность судьбе, проклятая русская рулетка.

Позднее Таня вместе со всеми распевала трогательную песню: «Но у тебя СПИД, а значит, мы умрем...» Парни геройствовали, отказываясь от презервативов и требуя того же от подруг как доказательство их любви. Ромео и Джульетты нашего времени...

Всем известны шокирующие истории о том, как муж заразил жену, а сам заразился от любовницы, которой доверял, и так далее... Но каждый в глубине души уверен: его это не коснется. Просто потому, что это невозможно. Слишком уж несправедливо и беспричинно.

Несправедливо и беспричинно. Несправедливо и беспричинно.

Два дурацких слова вертелись в усталой Таниной голове, мешая думать и на что-то решаться.

– Да, – вспомнила она недавно услышанную фразу, – вот, про меня: с тех пор как мне отрезало трамваем голову, жизнь как будто остановилась...

За что?

Дитя большой любви

И все-таки... Все-таки вопрос «за что?» не переставал ее терзать. Ей даже казалось, что временами она находит на него ответы. Каждый раз разные. Наверное, каждый раз неправильные. Ну разве дано простому смертному знать, за что его наказывает судьба?

Определенные догадки и предчувствия приходили ей в голову не раз, и это никак не зависело от того, что она узнала прошедшим днем.

Просто были некоторые слова, забытые в ее голову настолько давно, что она и не вспомнила бы, когда впервые услышала их.

В хорошие минуты семейного мира ей всегда объявляли, что она – дитя большой взаимной любви.

Но Таню было не провести. Большая взаимная любовь представлялась ей немножко другой. От кого-то она услышала афоризм: «В России не так страшен национальный вопрос, как ответ на него». Таня самой себе казалась этим самым ответом.

Когда-то, классе в третьем, читая «Детство» Л.Н. Толстого, она испытала настоящее потрясение от двух фраз: «Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело. Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе».

Подобной улыбки Таня в своей жизни не видела и даже представить себе не могла, как она способна озарить жизнь человека.

У нее имелись две бабушки – папина мама и мамина мама. И была она для обеих единственной внучкой. Трудно себе представить двух более разных женщин. Как сказал поэт, «стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой». И вот они сошлись в великой битве за Танино воспитание.

Буся

Бабушка Римма. Даже эти два слова заставляют споткнуться. Потому что попробуй только назвать ее бабушкой! И никакая она не Римма вовсе.

Значит, так. Она или Ба или Буся – и не смей складывать эти слоги вместе: «Бабуся или бабушка – ужасные слова, унижающие женщину».

Римма она на работе. Римма Михайловна. И для невестки, Таниной мамы, и для всех чужих. Дедушка Серафим, с которым она мучилась вот уже (цифра называлась в соответствии с количеством прожитых совместно лет, кстати, его можно было называть дедушкой, Ба не возражала), называет ее Рая. И она откликается, как будто так и надо. На самом же деле... На самом деле звали ее Рахиль Моисеевна. И что такого? Прекрасное библейское имя. Тане очень нравилось. Сразу другой образ рисовался – решительной, сильной, гордой дочери своего древнего народа. Не то что базарная Райка или стальная кувалда Римма.

Имя накладывает отпечаток, выстраивает человека под себя. Бабушка менялась как трансформер, в секунды, представляя, в зависимости от необходимости или настроения, в разных своих ипостасях. Приспособиться к «волшебным изменениям милого лица» мало кто мог. Для этого надо было пройти определенную выучку и приобрести закалку. Дедушка – и тот, бывало, терялся. Впрочем, он брал кротостью и претерпевал любое испытание без возражений.

Родилась Рахиль еще до революции, в 1916 году. «Иначе разве она бы позволила дать себе такое старорежимное имя!»

Тане так и виделась появившаяся на свет крепкая, круглощекая, с светящимися жадой «оглядеться и разобраться» глазищами новорожденная бабушка, орущая при наречении имени всем собравшимся: «Пошли к чогу! Какая я вам тут Рахиль! Уааааааа!»

Картинка сомнений не вызывала. Бабушка была вождем, лидером, деспотом, тираном. Она всегда знала, как лучше. И утаивать свои знания считала грехом перед человечеством. И, конечно, она и не думала утаивать. Напротив – делилась переполнявшим ее пониманием жизни буквально со всеми. Что не делало легче существование попадавших в ее орбиту индивидуумов.

Она, конечно, была незаурядно одарена от природы. Это факт. Выучила сама немецкий, французский, английский, итальянский. Причем так, что, когда говорила с немцами, французами и т. д. по списку на их языке, никто не сомневался, что она своя, и отказывался верить, узнав правду. Переводчицей, однако, бабушка стать не пожелала. Окончила Московский медицинский институт, и получился из нее выдающийся хирург. На счету у Риммы Михайловны были легионы спасенных. Когда к праздникам приходили поздравительные открытки от благодарных пациентов, их складывали в обувные картонные коробки. Потом на досуге Буся зачитывала каждую открытку с определенными интонациями и комментариями – спектакль получался тот еще.

С дедом она познакомилась во фронтовом госпитале. «Вырвала из лап смерти, полюбуйте на него!» – укоризненно резюмировала Буся, если речь заходила о ее семейном счастье. Это была чистейшая правда. Деда доставили в госпиталь однополчане без всякой надежды на то, что увидят его еще на этом свете, уж слишком велика была кровопотеря. Рахиль, понимая, что счет жизни раненого капитана идет на секунды, действовала в режиме повышенной скорости. Мало того что она спасла его как хирург, она стала еще и его донором, поскольку ее кровь первой, универсальной, группы годилась всем. Вот она и поделилась в экстренный момент. Дед принялся поправляться, чего никто, кроме Рахили, не ожидал. Она-то была уверена, что деваться ему некуда и незачем. Он очухался, пригляделся и влюбился. «Зов моей крови!» – объясняла бабушка.

Война подходила к концу. Рахиль Моисеевна Гиршман и Серафим Николаевич Боголепов расписались. Невеста взяла фамилию жениха, решив заодно поменять и имя с отчеством. Так появилась Римма Михайловна Боголепова. Ей предстояло прославить новую фамилию: она защитила кандидатскую и докторскую, стала автором монографий и учебников. В отечественной хирургии появились даже понятия: боголеповский метод, боголеповский стиль. «Не посрамила гойское имя», – иронизировала иногда по этому поводу бабушка. Это она так хранилась среди своих, причем спустя много-много лет после спасительной смены фамилии.

На самом же деле война и некоторые послевоенные события поселили в отважное и бескомпромиссное сердце Рахили огромный страх. Страх этот имел безусловные основания. Вся ее многочисленная семья, оказавшаяся на оккупированной немцами территории, была уничтожена на корню – от деда с бабкой до грудных детей ее сестер и братьев. Оказавшись в Европе вместе со своим военным госпиталем, Буся видела, какие лагеря уничтожения соорудили культурные немцы, чтобы выполнить приказ фюрера: полностью истребить ее несчастный народ. Кроме того, собственный вождь ее страны-победительницы тоже воспыал жаждой продолжить миссию своего вероломного врага. И начал с врачей-убийц.

К этому времени у Рахили и Серафима уже был семилетний Коленька. Больше всего боялась она за сына. Мальчику трагически не повезло с родителями. Мало ему пятого пункта в анкете матери, так и у отца – весь род репрессирован. Серафим Николаевич происходил из священнослужителей: протоиереями были и прадед его, и дед, и отец с дядьями. Тихие, боязливые провинциальные священники. Трепетали перед начальством. А в момент всеобщей бесовни от веры не отреклись. Взялась откуда-то и сила, и крепость духа. Так и сгинули в лагерях во времена невиданных массовых гонений, каких не знала Православная церковь со времен Крещения Руси, как тысячи тысяч их собратьев по вере.

Серафиму пути в жизни никакого не было: сын врагов народа. Хорошо, что не посадили. Выручила его война. Защищать собственную родину ему разрешили. Даже с таким преступным происхождением. Только после войны, боевым израненным офицером, смог он поступить в университет по настоянию своей ненаглядной Раечки. Они, муж с женой, жались друг к дружке, подобно детям-сиротам, оказавшимся в дремучей чаще одни-одинешеньки. И – в качестве основополагающих правил их совместной жизни – учредили они, что, во-первых, Коленька их русский! Только русский, окончательно и бесповоротно. А во-вторых, они оба – атеисты. Неверующие атеисты. И точка. Только так, были они уверены, продерутся они к лучшим временам. Мать постоянно повторяла своему русскому мальчику Коле Боголепову выстраданную веками мудрость своего народа: «Средь стоящих – не сиди. Средь сидящих – не стой. Среди смеющихся – не рыдай. И не смейся средь рыдающих». Одним словом – не выделяйся.

К середине шестидесятых, когда Коленька уже был студентом-медиком и двадцать лет прошло без войн и репрессий, Рахиль оттаяла. Вместе с хрущевской оттепелью. Именно в эти годы принялась она разговаривать с членами своей семьи, то есть с мужем и сыном, на языке своих загубленных предков – идише. Идиш, как феникс, восстал из пепла в одночасье, вроде бы ни с того и ни с сего. Встретила какого-то своего земляка в Елисеевском гастрономе.

– Рахиль!

– Левка!

Оба весь вечер проплакали, вспоминая то, что не вернешь.

И началась после этого другая семейная хроника.

Логика отсутствовала начисто: любимый ненаглядный сыночек Коленька обязан был оставаться русским атеистом всецело и безоговорочно. Муж Серафим как занимался историей Древней Руси, так и продолжал свое не самое опасное дело. Но главным их семейным языком стал идиш. Мужчины вынуждены были приспособиться и откликаться на требования, просьбы и побуждения, гортанно выкрикиваемые Рахилью на языке своего детства.

– Фима! – так теперь обращалась она к мужу, несмотря на то, что прежде, целых двадцать лет, был он дома Сережей. – Фима! Гиб мир э сковородка! Бикицер! ³

В общем, слово за слово, как-то освоились.

У Серафима Николаевича между тем на почве чтения древнерусских рукописей возродилась вера. Не в самый, прямо скажем, подходящий момент, поскольку организатор оттепели Хрущев, открыто заговоривший о массовых репрессиях, был вместе с тем яростнейшим гонителем Православной церкви и постарался уничтожить на корню то, что каким-то чудом уцелело в предшествующие годы построения нового общества. Как бы там ни было, дедушка упорно посещал богослужения и во внутреннем кармане пиджака носил маленький оловянный крестик.

– Азохн вэй ауф мейн биттере копф! ⁴ – сокрушалась по этому поводу бабушка. – Двадцать лет прожила с чужим человеком!

Все это Таня знала по рассказам. Ей самой досталась бабушка, уже мало чего боявшаяся, кроме болезней своих родных.

Слов она не жалела, речевой поток не сдерживала. И весь этот мощный поток обрушился на голову ребенка, слепленного совсем из другого теста.

Даже у совсем близких и родных людей энергетическое наполнение кардинально отличается. Кто-то от переизбытка энергии должен командовать, властвовать, повышать голос, убеждать во всеобщем подчинении. Шумный семейный командир убежден при этом, что действует только из любви и ради любви. Но тот, на кого направлены мощные ослепляющие лучи этой любви, вправе сильно сомневаться, что это святое чувство имеет хоть малейшее отношение к тому, что витает над его бедной головой во время общения с любящим.

Беда Тани заключалась в том, что именно ей Буся решила передать свои знания (в пору Таниного детства это касалось иностранных языков, в первую очередь почему-то немецкого). Когда у Рахили подрастал сын, ей было не до того. Она усиленно писала свои статьи и диссертации. Мальчику Коле очень повезло в этом отношении. Он сам потихоньку осваивался в волшебной стране знаний и вполне в этом преуспел. Зато его дочка получила от бабушки сполна.

Таня не боялась знаний и учения, пока за нее не взялась бабушка. Внучка сама в четыре года из любопытства научилась читать и писать по-печатному. К пяти читала бегло. Вот тут-то и началось! Настало время уроков немецкого по красочной, манящей книге «Лучшие сказки братьев Гримм».

Сначала сказку по-немецки бегло и с выражением прочитывала Буся. Тане разрешалось смотреть на картинки и следить за бабушкиным пальцем, скользящим по произносимым словам. Чужеземные слова шелестели, как невидимые змеи в осенней сухой листве: страшно и не разгадать, кто там – ужики или гадюки.

Потом Таня должна была сама читать непонятную сказку. Чтение ее отличалось от бабушкиного, как речь едва обученного говорить глухонемого ребенка отличается от речи профессионального оратора. Таня мычала, запинаясь, останавливалась.

После первого прочтения следовало второе, третье, четвертое... Слова произносились уже сами собой и некоторые даже почему-то делались понятными.

Далее полагалось отвечать на вопросы. И тут выяснялось, каким умственным убожеством наделена несчастная внучка, о чем кровиночке сообщалось незамедлительно. Сначала на русском, потом, видимо, для большей доходчивости, на идиш, который Таня легко отличала от немецкого из-за кардинально различных интонаций, присущих этим, во многом друг на друга похожим, языкам. Кроме того, немцы явно не вставляли в свой лексикон русские слова. Таким образом, когда речь бабушки звучала развязно и немецкие слова, произносимые не так, как

³ Дай мне сковородку! Скорей! (*идиши*).

⁴ Беда на мою горькую голову (*идиши*).

положено в «высоком немецком», а весьма искаженно, мешались с русскими, Таня догадывалась, что начался идиш, и внимательно прислушивалась.

– Wo wohnte die Grossmutter? ⁵ Отвечай! Как не поняла? Wo wohnte die Grossmutter не поняла? Что ты тогда поняла? Не капай мне на копф! ⁶ Что я тебя спросила? Отвечай по-русски! Где жила бабушка? Отвечай, гройсе знаток, ⁷ где жила бабушка? Отвечай по-русски!

– На другом краю леса, – отвечала Таня, зная «Красную Шапочку» из других источников.

– А теперь по-немецки то же самое! И бекицер!

– Die Grossmutter wohnte draussen im Wald, eine halbe Stunde vom Dorf, ⁸ – отыскивала Таня в книге нужный ответ.

Она совсем не возражала, чтобы какой-нибудь волк съел ее собственную бабушку. Хотя бы на время уроков немецкого.

– А! Холера зол зи а хаптон! ⁹ – торжествовала бабушка. – Что, трудно было сразу сказать?

Учение продвигалось изо дня в день. Цель – выучить сказку наизусть! Не стихи, а длинную немецкую сказку! Бабушка знала на собственном опыте, что после такой школы не заговорить по-немецки может только комод. Или свинья. Или – Гитлер!

Тень Гитлера возникла на уроках немецкого отнюдь не случайно. Где-то от кого-то бабушка услышала, что в жилах этого душегуба содержалась четверть еврейской крови. Это ее и озадачило. Видимо, сочетание «половина на половину» не было опасным для способностей и душевных качеств ребенка, Коленька учился на одни пятерки и не заставлял свою маму волноваться. А вот «четвертинка» вполне могла стать горем и позором приличной семьи!

Об этой догадке многократно и неуклонно сообщалось собственной внучке. Без малейших подозрений, что та может обидеться и чувствовать себя крайне дискомфортно от сравнения с врагом рода человеческого.

– Читай, Гитлер! Читай и запоминай!

Наконец сказка целиком размещалась в Таниной голове. Правда, гораздо медленнее, чем могла бы и должна бы. Однако результат был налицо!

– Ну! Что я говорила! И попугая можно выучить разговаривать, если очень постараться! Киш май тухес драй папир! Мазлтов! ¹⁰

Бабушка своего добилась. Через пару лет Таня свободно общалась на немецком, как и на родном русском.

С идишем оставались неснятые вопросы. Например, не очень пристойное выражение «киш май тухес драй папир» было явно составлено безграмотно. Оно значило дословно: «поцелуй мою задницу... три бумаги». То есть врагу или просто чем-то досадившему в данный момент индивидууму предлагалось совершить поцелуй неприличного места ЧЕРЕЗ три бумаги. Тройной бумажный слой требовался, очевидно, чтобы поцелуй этот был все-таки кошерным. Чтоб не нарушить никаких правил гигиены. В этом было даже какое-то благородство: злейшего врага – и то! – не побуждали к антисанитарным действиям. Таню мучили чисто грамматические нюансы. Почему же был опущен предлог? Где этот «через»?

Бабушку спрашивать она не решалась. Догадалась сама. Немецкий, французский и другие языки учила бабушка по книгам, по правилам. А идиш впитала в себя из воздуха того самого маленького местечка, в котором родилась. Он был у нее не литературный, живой. Она хорошела и молодела, произнося свои дикие слова и пожелания.

⁵ Где жила бабушка? (нем.).

⁶ На голову (идиш).

⁷ Великий знаток (идиш).

⁸ Бабушка жила за лесом, в получасе ходьбы от деревни (нем.).

⁹ Холера ее поберет (идиш).

¹⁰ Поцелуй мою задницу через три бумаги! Поздравляю! (идиш).

Язык, унесенный ее мертвецами в братскую могилу.

Живой мертвый язык.

– Ду дарфшт нит волнений, ¹¹ – заявляла Буся сыну Коленьке, когда тот пытался уговорить свою маму впихивать в Танину голову не так много знаний. – Гей к чогу, ¹² без тебя разберемся!

Она же лучше знала. Все и всегда.

И еще она умела пошутить. У нее было богатое воображение на изобретение шуток. И никакого – на предвидение их последствий.

Однажды у них в институте устроили учения по гражданской обороне. Римма Михайловна категорически возражала против собственного участия в этом карнавале. В конце концов, она фронтовичка и уж как-нибудь разберется в случае чего. Терять целый учебный и рабочий день на идиотизм! И все-таки начальство было непреклонно. Пришлось и ректору, и проректорам, и профессорам натягивать по команде противогазы. Разозленная Римма справилась с этой задачей быстрее и лучше всех. На раз-два-три. А потом, первая же и избавившись от мерзкого средства защиты, безудержно хохотала, глядя, на кого в противогазах похожи важные ученые мужи и дамы. Это надо было видеть!

Она умело сложила свой противогаз в холщовую сумку и пообещала вернуть его завтра, мотивируя задержку возвращения данного предмета необходимостью обучения домочадцев важному искусству напяливания на голову резиновой маски.

На самом деле ей приспичило пошутить.

У двери квартиры она, прежде чем нажать сильным пальцем на кнопку звонка – у них принято было не открывать двери своим ключом, а звонить и встречать у входа каждого вернувшегося домой, – так вот, прежде чем оповестить о своем приходе домочадцев, бабушка аккуратно надела противогаз.

И только потом просигналила: «Дззззззззз! Я дома!!!!»

Ничего не подозревающая Таня, услышав типичный бабушкин звонок, побежала открывать. Следом поспевал дедушка.

Что тут скажешь?

«Долго над садом летал детский крик»...

Очень долго...

Даже «шестикрылый Серафим» нашел силы упрекнуть свою вторую половину, что не следовало бы, мол, так пугать ребенка.

Бабушка очень обиделась. Такую шутку не оценили!

Впрочем... Разве у Гитлера могло быть чувство юмора?...

¹¹ Можешь не волноваться (*иди*).

¹² Иди к черту (*иди*).

Баба Нина

Если Буся воплощала собой стихию огня, то другая бабушка, Нина, являла собой земную стихию. А земля – какая? Ой – разная!

Твердая и сухая, если нет дождей.

Мягкая, теплая дарительница жизни, если о ней хорошо позаботятся и солнышко прогреет.

Вязкая, цепляющаяся почем зря к ногам во времена распутицы.

Могильно-ледяная и непробиваемая, если прохватит морозом.

У крестьянской девчонки Нинки была своя судьба, ничем не легче участи Рахили или жребия Серафима. Родившаяся на двенадцать лет позже отцовской матери, мамина мама огребла по полной программе: отца-бедняка, не так что-то сказавшего колхозному начальнику, уни-чтожили как кулака. И осталась жена «кулака» с десятью малолетками и старухой-свекровью «грызть землю». Потому что ничего им, вражьему семени, кроме земли, жрать не полагалось. То, что они выжили, все – от мала до стара, ни один не подох, как ни старалась народная власть, – было подлинным чудом. Каждый раз, когда полагалось «кулацким недобиткам» отдать богу душу, против чего иной раз они и не возражали, появлялась откуда-то помощь: то мешок полугнилой картошки оказывался у крыльца, то холстинка с серой мукой. Летом пускались они на поиски грибов и ягод, заготавливали все, что могли. Выживали зиму за зимой.

И – поднялись! Выучились, кто чему смог.

Нинка стала агрономом, орденоносцей. Заправляла в огромном подмосковном совхозе, снабжавшем самое главное начальство самыми лучшими продуктами. Все, что написал поэт Некрасов про «женщин в русских селеньях», было про бабушку Нину: высокая, статная, с огромной русой косой вокруг головы, она запросто остановила бы и коня на скаку, и все остальное по списку, что полагалось. Намучившись растить младших братьев и сестер в нечеловеческих условиях, Нинка родила себе на радость одну-единственную дочуру, выучила ее на доктора и строго-настрого заповедала: больше одного ребенка чтоб ни-ни! Не вздумай! Так Таня и получилась единственным дитем в семье. На все про все.

Бабушку Нину можно было называть как душе угодно: и бабулей, и бабой, и бабушкой. Она только радовалась. И распускала ребенка до неузнаваемости, как отмечала каждый раз ревнивая Буся.

Каждая из бабушек противоречила другой знаково и символически. В городе Таня была одета подчеркнуто строго, достойно. Кончик ее косы перехватывался черной аптечной резиночкой. Думать о красоте считалось стыдным и лишним. «Не родись красивой, а родись умной! – настоятельно требовала Буся. – Красота – была и нет. А ум всегда при тебе».

Баба Нина, напротив, во главу угла ставила красоту. «Красуйся, пока можешь, а там поглядишь!» – учила она, накручивая на внучкиной голове огромные банты: по одному с каждого боку да еще по одному на низ кос. Поверх сооруженного чуда повязывался платок немислимой яркости. Банты торчали из-под него в разные стороны. Таня была загипнотизирована чувством собственной неотразимости. Бабушка брала ее за руку, и они шли по селу, а все почтительно здоровались и восхищались, какая у Нины Ивановны красивая внучка растет.

Учиться бабушка не заставляла.

– В школе учись, в школе всему научат. У меня – отдыхай!

Такая программа была по душе Тане, но забыть Бусю с ее заданиями на каникулы было себе дороже: вместо двух легких Гитлеров и пяти-шести «холер» по возвращении в город со сделанным уроком она могла получить слишком много почетных титулов одновременно и очень опасалась за себя. Вот и училась, несмотря на бабы-Нинины обиды.

У бабы Нины Таня приспособилась готовить, печь пироги, шить на машинке, вязать, вышивать. Дома в Москве никто этому не учил, ели между делом, одевались в покупное, как получалось. А баба могла за вечер сшить Тане такую юбку! С такими кружевными оборками! У принцессы такой не увидишь!

И еще. Баба Нина была певунья. Самая лучшая из всех. Если в округе был какой праздник, ее всегда звали, да что там звали – умоляли быть почетной гостьей. И вот они собирались. Гладили деду Мите костюм. Навязывали Таньке банты. Доставали из шкафа крепдешиновое бабино платье, все в цветах и оборках. Танькино сердце ходило ходуном. Она внутри вся горела и дрожала. Предстояло счастье. Так она и думала в детстве про счастье. Это когда баба Нина делалась немыслимой красоты, выходила в круг расступившихся счастливых заранее людей и начинала орать песни. Баба никогда не говорила «петь». Именно «орать». Пусть так. Но лучшего пения не приходилось слушать Таньке даже в самом Большом театре.

Она стояла одна среди всех, откинув голову, и держалась за края расписного платка, который обязательно накидывала на плечи перед выходом. Без платка пение не получалось бы таким, понимала Танька. С платком руки ее делались крыльями. Вот она взмахивала, и всех приподнимало над землей:

Ой, гуси-лебеди,
Ой, улетели!
Любовь мою —
А-ах, —
Не пожалели.

Ах, лебедь белый,
Далекий,
Крылами машет.
Он о любви моей
Ему —
Пускай расскажет.

Ах, лебедь черный,
Печальный,
Протяжно крикнет,
Пускай любовь мою
Найдет-кликнет...

Слезы текли по ее щекам. Она глядела вверх еще какое-то время. Вслед лебедям... Женщины плакали. У мужчин скулы ходили ходуном.

Нигде и никогда не слышала Танька тех песен, что орала Нинкина душа.

Да и где услышишь, если полдеревни вымерло во время построения светлого будущего, одна Нинка и хранила сокровища, случайной наследницей которых оказалась.

Нагрустившись вдоволь, люди загорались весельем, просили частушек.

Начиналось самое интересное, смешное, запретное. В миг веселья, правда, о запретностях забывали и хулиганили по-черному.

Частушки надо было петь парой, соревнуясь. Тут пригождался дед Митя, именно частушками и гармонью завлекший когда-то лучшую певунью Нинку в свои жаркие объятия. Он в молодости на гармонии играл так, что от волков спастись сумел. Один. В зимнем лесу. Ох и любила же Таня слушать про это!

Зимний лес. Полная луна. Бело вокруг и светло... От луны снег сияет. Синим таким светом, как от телевизора. Идет дед (конечно, не дед тогда еще, а парень хоть куда) с гармошкой в соседнюю деревню через лес, по широкой просеке. Вдруг чувствует: кто-то смотрит на него. Оборачивается – волк! Спаси и сохрани, Господи! Что делать? Митяй остановился, повернулся к волку лицом да как заиграет на гармони! Волк тоже остановился. Прислушался. И вдруг как завоет! К луне морду поднял и завыл. У деда аж волосы дыбом, до чего жуть взяла. Ну, кончил он играть, идет дальше. Глядь – волк за ним тащится. Пришлось снова – гармонь в руки. Волк опять мордой к луне – и ну выть! Так и дошли до деревни. С остановками. С песнями. А там уж собаки вой подняли. Волк постоял и к лесу развернулся. Свой волк был, местного леса жилец. С ним сговориться получилось. Но бывали и другие, чужие, дальние волки. Шерсть у них на загривке топорщилась. Неслышно подкрадывались они к домам. Собаки на таких чужаков не лаяли, затаивались. Тут одно оставалось – молиться. Другое не помогало. От оборотней другого спасения нет!

Вот такой дед достался Тане! Чем Нинке не пара? Не сыграет, так споет!

Ну и частушек они знали – тысячи!

Гармонист вступал. Бабушка с безразличным лицом, поводя плечами, плыла на цыпочках, отбивала чечетку.

Ииии – ррраз:

Мы Америку догнали
В производстве молока!
А по мясу не догнали:
Х...й сломался у быка!

Иэххх! – и уплыла. А навстречу бьет чечетку соперник:

На горе стоит точило,
На точиле – борона.
Бригадир е...ет кобылу,
Наше дело – сторона.

Частушки запоминались с первого раза. Не то что немецкие сказки.
Была у Тани любимая. Жалостливая:

А мне милый подарил
Четыре м...давошечки!
Чем я буду их кормить?
Они такие крошечки...

Сильно обеспокоилась Таня, чем же, и правда, кормят «таких крошечек». Спросила, будто невзначай, на следующий день у бабы Нины. Та аж зашлась: «Не повторяй за взрослыми!» Потом строго-настрого отсоветовала у Рахили спрашивать, а то, мол, больше ее в деревню не отпустят. Это был довод! Так Таня до университетских времен час от часу и вспоминала о неразрешенном и неразрешимом вопросе...

В отношении силы характера бабушка Нина могла вполне потягаться с неистойой Рахилью. Если что-то вдруг устраивалось не по ее велению, не по ее хотению, она орала уже совсем другие песни. Не выбирая подходящих слов. Пожелания, сыпавшиеся на головы попавших под

горячую руку жертв ее жгучего темперамента (а под руку попадались всегда именно свои), были отнюдь не пожеланиями «здоровья, счастья и успехов в труде».

– Чтоб вас всех рОзАрвало! – вот самый невинный бабушкин посул, обращенный к мужу, внучке и дочери.

А то еще вопила про волков-оборотней, к которым по своей воле ушла жить ее родная дочь.

Таня долго пугалась и не понимала, к каким волкам прибилась ее мама. Вроде живет с ними, довольна-счастлива. Потом, конечно, догадалась, что и у бабы Нины национальный вопрос рождал свои художественные образы и символы.

Впрочем, характер у нее был отходчивый. Отбушевавшись, бабушка Нина удивительно быстро успокаивалась и принималась за привычные дела.

Таня же после каждой бури переставала на какое-то время любить скандальную бабку, желая только одного – вернуться к себе домой, к своим «волкам».

Собачья кровь

По ряду намеков и с той, и с другой стороны Таня сознавала, что все неудачи, шероховатости ее характера, робость в школе, когда ее вызывали к доске, замкнутость и ряд других уродующих ее личность черт – все это связано с кровью, которая в ней смешалась как-то не так. Недаром Римма Михайловна, разглядывая очередную Танину тройку, а то и двойку, понуро притащенную из школы внучкой, которая дома знала в с е, бурчала в сторону еле слышно: «Собачья кровь». Кого она награждала этим эпитетом? Внучку ли, учительницу?

Как-то Таня, распаленная подростковой гормональной перестройкой, все же крикнула:
– Чья кровь собачья?

И Буся, опомнившись и явно устыдившись, принялась уверять, что она вспомнила кого-то на работе. Просто внезапно вспомнила и сказала не думая. И просит ее простить.

Много позже Таня разобралась, что ругательство это шло из бабушкиных польско-белорусских недр. «Пся крев» – так это звучало по-польски. Совсем не обидно. Просто как «черт побери». Но в переводе на русский нейтральность развеивалась, как сигаретный дымок. «Собачья кровь» – это была обида нешуточная.

Как ребенку надлежало разбираться в лингвистических нюансах?

Эх, не понимали бабушки, что любое слово материально, любое пожелание воплотится. Это только лишь вопрос времени.

Не холера, так другая болезнь приклеится; не тело, так душу раздерет на части – это уж точно...

Вина

Но вдруг... Вдруг в пугающей тишине ночи пришел Тане на память и еще один ответ на вопрос «за что?».

Кое-что она накликала себе сама.

В студенческие ее годы началась в Москве бурная ночная жизнь. Кто-то ходил по клубам потанцевать, себя показать, на людей посмотреть. Кто-то втягивался в страшное и постыдное. Родителям ночная жизнь в их юные годы была неведома. Они не могли отнестись с пониманием к тому, что не пережили на собственном опыте.

Весь город в ту пору по чьей-то злой воле лишился сна. Бурно проживали свою юность подростки. Тряслись от страха за детей и непонимания происходящего родители, чьи жизни сжирались еженощным страхом. Наступило время странных повальных смертей: юность гибла от наркотиков, зрелые, полные сил сорокалетние граждане – от инфарктов и скоротечных злокачественных образований. Это был массовый уход, жертвы которого не подсчитаны, да и вряд ли будут.

Таня, гордо чувствующая себя совершеннолетней и свободной, самозабвенно тусовалась. Она уходила в десять вечера, «на пару часов», но никогда не возвращалась в обещанное время. Заваливалась она домой в 5 или 6 утра, когда закрывались клубы. И бухалась отсыпаться. Родители, не спавшие из ночи в ночь в ожидании, как-то разом постарели. Учеба была заброшена. Жизнь трещала по швам, но катилась весело. Думать ни о чем не хотелось. Хорошо еще, к этому времени дед с бабкой переселились от них, купив квартиру в их же подъезде у отъезжающих на ПМЖ за рубеж соседей. Приобретали они новое жилье, предполагая, что потом оно достанется внушке. Этот разъезд, как позднее осознала Таня, и спас их жизни. Они ночами спали! А вот у отца случился инфаркт, заставивший Таню опомниться и вернуться в русло человеческого поведения. Но еще до отцовской болезни случился один эпизод.

Как обычно, Таня, вернувшись домой под утро, нырнула в постель, вытянулась блаженно под одеялом. Спаааать! Больше ей ничего не хотелось. Сон уже подступил вплотную. И тут в комнату вошла мать.

Странные отношения были у Тани с матерью. Таня была уверена, что мама ее не любит. Уж слишком беспрекословно следовала она всем Бусиным указаниям по поводу Таниного воспитания. Никогда не встала на защиту. Если папа еще как-то встревал, протестовал, то мать ни разу не приняла сторону дочки. Объяснения этому найти было можно. Танина мать была в свое время студенткой Риммы Михайловны, а позже и ее аспиранткой. Вот она и усвоила роль ученицы-отличницы. Учителю, мол, виднее. Тем более, повиноваться материнской воле было заведено и в ее родном доме. Таня чувствовала себя незащищенной и таила за это на мать обиду. И этот ее «ночной период» был отчасти мстью матери за прошлое: «Я тебе была не нужна? Отлично! Теперь не лезь в мою жизнь ты!»

Мать вошла и встала у двери. Ее присутствие очень мешало погрузиться в сон. Мать стояла и молчала. Но очень сильно ощущалась. Впрочем, она всегда ощущалась не слабо. Хуже назойливой мухи.

– Так больше продолжаться не может, – вымолвила наконец нарушительница сна. – Если ты решила жить не по нашим правилам, на нас больше не рассчитывай. Съезжай от нас. Мы каждое утро должны рано вставать, мы работаем. Пожалей хотя бы папу. Ему совсем худо.

Жужжание очень действовало на нервы. Как же ее выгнать? Вечно она найдет, чем попрекнуть, как укусить.

И тут родилась идея.

– Мапочка! Скоро ничего этого не будет. Не волнуйтесь с папой. Скоро вы отдохнете. Я сделала анализ. У меня СПИД.

Комнату наполнила тишина. Но мать по-прежнему ощущалась у притолоки. Неужели даже такая весть ее не пробила?

– Где ты сделала анализ? – глухо спросила наконец мать.

– У нас в женской консультации.

– Почему ты вообще решила его делать?

У нее, видно, в голове не укладывается гуд ньюс.¹³ Надо, значит, добавить угольков.

– Беспорядочные половые связи, мам. Вот и решила провериться. Вы теперь на всякий случай мое полотенце отдельно отвесьте. И тарелку мне выделите.

Самооговор про половые связи – это была неплохая идея. Они же уверены, что там, в клубах, один разврат и свальный грех. Пусть покипит. Орать не станет, не баба Нина. Папочку она жалеет. Ну, пусть теперь осмыслит, по какой дорожке пошла ее дочь.

– Когда ты сделала анализ? – спросила мать.

– Два дня назад.

– И так быстро результат?

– За деньги делают быстро. Спокойной ночи, мамочка.

Таня спала безмятежным младенческим сном. Проснувшись в дивном настроении – забыла о ночном разговоре напрочь. Был день. В это время она обычно была дома одна. Спокойно принимала ванну, безмятежно болтала с подругами, слушала музыку. Никто не лез в душу. Но на этот раз она была дома не одна.

Дверь открылась. Вошла мать. Таня ее даже не узнала поначалу. Ну и вид! Белая, синие мешки под глазами, серые губы, волосы висят как пакля. Заболела, что ли?

– Танечка! – сказала мать с порога незнакомым дрожащим голосом. – Ты лежи, отдыхай. Я просто зашла сказать. Не волнуйся ни о чем. Я буду рядом. Ты можешь на нас положиться. Сколько осталось, столько осталось. Я буду радоваться каждому дню твоей жизни. Я не спала этой ночью. Я все поняла. Все свои ошибки, всю свою неправоту. Нельзя было тебя ругать. Никогда. Надо было понимать, какое это счастье, когда твой ребенок рядом, здоров. Ничего. Я выдержу. Я помогу тебе. За каждый лишний день твой рядом с тобой буду бороться.

Теперь Таня вспомнила, что что-то такое наболтала спросонок. Похоже, лишнее чего-то сказала.

– А ты что не на работе? У тебя сегодня операционный день вроде? – поинтересовалась она.

– Немножко неважно себя почувствовала. Тяжело перенесла все. Руки дрожат, – извиняющимся тоном объяснила мать.

– Ладно, я посплю еще, – зевнула Таня.

– Спи, детка, – мать притворила дверь.

Что удивительно: больше они никогда на эту тему не говорили. Никогда!

Как это получилось? Ну, наверное, мама разобралась. Зашла в ту самую консультацию, где Таня «делала анализ». Все и выяснилось.

Таня быстро об этом забыла. Неудачная шутка. Потом случился папин инфаркт. Серьезные заботы. Мать ни о чем не просила. Не укоряла. Таня сама поняла, что играм девичьим пришел конец. Оформила академический отпуск, навёрстывала упущенное.

Все прошло. Все исправилось. И наверняка бы не вспомнилось никогда, если бы не вчерашняя весть.

Сейчас все любят повторять: слова материальны, осторожно. Таня повторяла вместе со всеми – красиво звучит. Но разве кто-то всерьез придает этому значение? Люди бывают удивительно слепы и глухи, когда касается их собственных поступков. Разве она могла тогда подумать, что выйдет все так?

¹³ Хорошая новость (англ.).

И потом, не слишком ли это жестоко со стороны жизни? Ладно – она. Но ребенок? Он-то в чем виноват?

Но ответ пришел сам собой: «А почему же ты, именно ты не думала о том, что твой ребенок будет платить за твои грехи? Каких милостей ждать от жизни, если нарушаешь ее законы, такие простые и четко прописанные?»

Эх, если бы только раньше знать, что закон возвращения зла действует без исключений. Если бы знать!

История Абеяра и Элоизы страсти и страдания

Было, есть и будет...

Слова «мир сошел с ума» Тане всегда хотелось опровергнуть.

Земная жизнь не рай. Но ведь никто рая земного и не сулил человечеству.

Люди грешны. Так есть сейчас. Но, наверное, не в большей степени, чем это было прежде.

Каждое поколение людей ужасается своим грехам, своим преступлениям, своим страстям. И каждому мнится, что все, именно они преступили дозволенную черту, именно они переполнили чашу Божеского терпения, именно после них на Земле останется пустота и тлен. «Ужасный век, ужасные сердца» – это когда еще было сказано!

Но Бог терпеливо ждет.

Он дает возможность каждому человеку искать свой путь, ошибаться, сбиваться с дороги, а потом находить единственно правильную и идти, не оглядываясь на грехи прошлого, чтоб они не затянули и не заставили окаменеть.

Когда-то она прочитала фразу «Свободный Бог создал несвободный мир» и много думала над ней, пока не поняла, что именно не так в этой сентенции.

Свободный Бог создал свободный мир. Гармоничный и прекрасный, как все, идущее от Творца.

Однако человек, созданный по образу и подобию Бога, был наделен собственной волей. Его манили плоды с древа познания добра и зла. Попробовав их, он сам разрушил совершенный мир, в котором жил. Он выбрал не волю Божью, а волю свою, человеческую.

Он живет отныне в мире, созданном его волей, часто слепой и безрассудной. И вся дорога человеческой жизни – попытка вернуться туда, откуда изгнан. Но для этого нужны такие ежедневные усилия, такое понимание, которое, как великий дар, есть лишь у немногих.

А времена... Были такие времена, в которых мало кому хотелось бы оказаться.

Радости любви и муки расплаты

Почти тысячу лет назад жил и трудился, постигая тайны диалектики и теологии, знаменитый философ Пьер Абеляр. В своих трудах он пытался найти ответ на увлекавшие его вопросы:

Как люди познают окружающий мир?

В чем различие между названием предмета и самим предметом?

Его волновало, насколько понятия, выработанные человеческим разумом, соответствуют реальности, или это просто слова, понимаемые каждым человеком по-своему.

Великолепный оратор, Абеляр был любимцем парижских студентов. Аудитории не могли выпустить всех желающих, если выступал философ. Затаив дыхание, следили присутствующие за ходом философской мысли. Ведь рассуждения о слове и предмете вели к вопросу главному: об отношениях между Богом и человеком. Постичь правду значило приблизиться к Богу.

Он был в расцвете своего творчества и славы. Именно известность и талант Абеляра стали причиной его дальнейшей трагедии.

Богатый и влиятельный дядюшка, ничего не жалевавший для воспитания и образования своей необыкновенно одаренной племянницы, пригласил популярного парижского философа переехать в его дом, чтобы обучать юную Элоизу премудростям теологии и правилам риторики.

Учителю было тридцать восемь лет. Ученице – семнадцать. Они ежедневно сходились в классной комнате Элоизы. Девушка обладала не только подлинной красотой, она поражала своими талантами и знаниями: в совершенстве владела латынью, древнегреческим и древнееврейским языками. Она проявляла живой интерес к философии. Широко известный и почитаемый Абеляр был преисполнен уважения к ее уму и знаниям.

С самого начала они ощущали мощное духовное притяжение, которое быстро переросло в телесную страсть.

Страсть ослепляет. Лишает осторожности, способности осмысливать ситуацию и действовать хоть сколько-то разумно.

«Во время уроков у нас было много времени для любви. Книги лежали открытыми, вопросы пробегали один за другим, потому что главной темой была любовь, а поцелуев было больше, чем слов» – так вспоминал это время Абеляр.

Домашний учитель, вступающий в интимную связь со своей ученицей... Несмотря на тысячу лет, отделяющую нас от тех событий, мы, как и люди тогдашних времен, посчитаем это преступлением.

Как только их отношения были обнаружены, Абеляр должен был незамедлительно покинуть дом дядюшки Фулберта. Беременную Элоизу он отвел к своей сестре, в доме которой и родился их сын Пьер Астроляб.

Фулберт был вне себя от ярости и мечтал жестоко отомстить за поруганную честь племянницы и вероломство.

Между тем любовники тайно обвенчались. Их мечтой была жизнь в уединении. Духовная близость, редкое взаимопонимание, любовь, страсть, рожденное от этой страсти дитя – у них было все для счастья земного.

Фулберт поначалу выглядел смирившимся. Но пересуды, ощущение собственного позора и стыда сделали свое дело. Он принялся вновь преследовать и угрожать. Абеляру ничего не оставалось, как спрятать свою жену в монастырь, а самому попытаться укрыться в безопасном убежище. Однако слуга его был подкуплен. Однажды ночью в комнату Абеляра проникли дядюшкины посланцы. «Они отомстили так ужасно и постыдно, что померк свет жизни: отрезали от моего тела орган, которым я согрешил», – писал Абеляр. Да, именно так. Фулберт посчитал, что оскпление грешника будет для того худшим наказанием, чем смерть. Была ли на свете любовная пара, разделенная так жестоко и непреодолимо?

Что оставалось этим двум? Духовное общение. Переписка, дошедшая до наших дней. Элоиза приняла монашество и вскоре стала настоятельницей монастыря. Абеляр тоже возглавил монастырь Сен-Дени. Жизнь их снова, как и изначально, наполнилась философией и верой, хотя боль от утраты любви никогда не утихала, по крайней мере у Элоизы.

Абеляр умер в возрасте шестидесяти двух лет. Элоиза прожила еще двадцать два года. Она провела на белом свете ровно столько, сколько прожил ее любимый. Разлученных в земной жизни, их погребли в одном гробу, а в начале XIX века (то есть через семь веков) останки их были перенесены на парижское кладбище Пер-Лашез.

Судя по всему, они были идеальной парой. Их соединяли любовь возвышенная и любовь земная в равной мере. Но за это редкое счастье они заплатились беспримерно жестоко.

Ужас, если представить себе это все в деталях. Как удалось пережить, как сумели смириться, прожить еще столько лет? Возможно ли такое?

И что стало с Фулбертом, исполнившим приговор, который он сам же и вынес? Был ли он наказан жизнью, Богом? Чувствовал ли свою вину?

Странно устроен человек: даже самого разумного, мудрого, предусмотрительного страсть начисто лишает рассудка, оглушает, ослепляет, делает конченным своим рабом. Жажда чужого тела, жажда мести, ревность, зависть... Неужели человек не в силах побороть в себе эти страсти, не утолив их, а смирившись и отойдя в сторону?

Об этом легко говорить тем, кто в какой-то момент свободен от всех этих испепеляющих душу терзаний.

Олег в доспехах

Кстати, историю эту услышала Таня впервые в непередаваемо сочном и хирургически отчетливом бабушкином пересказе. Буся считала ее очень поучительной и как бы невзначай повествовала каждому Таниному знакомому мужского пола, как только внучке исполнилось лет четырнадцать. Потенциальных кавалеров как ветром сдувало после бабушкиных многозначительных намеков на возможность повторения в наши дни актов средневекового мракобесия. И только один человек, Олег, отреагировал на подтексты рассказа с неповторимым своеобразием. Он и не думал исчезать. Напротив, явился на следующий же вечер, предварительно позвонив и поинтересовавшись, дома ли бабушка. Таня открыла дверь и зашлась смехом. У гостя к месту, деликатно называемому «ниже пояса», был прикреплен блестящий дуршлаг из нержавеющей стали. Держался он на ремне, продевшем через ручки посуды. На звуки заливистого внучкиного смеха вышла, естественно, Римма Михайловна.

– Вот. Пришел навестить, – пояснил Олег наличие рыцарского доспеха на причинном месте.

– А! Ну молодец! Так и ходи. Целее будет, – молниеносно отреагировала бабушка.

Шутку она оценила. Как и силу духа молодого человека.

Олегу же пришлось «так и ходить», чтоб держать марку. Поэтому с предложением руки и сердца он долго не тянул.

«Семейное счастье»

Давно ли – каких-то пару дней назад – собирались они на семейные посиделки у друзей студенческих времен. Мужчины толковали о своей ерунде, футболе каком-то жизненно важном, а они, девчонки, заговорили вот как раз на эту самую тему, «о свойствах страсти». Как кому-то изменяют, а они терпят – дуры!

Началось с того, что Таня поведала всем потрясающую историю про жильцов ее же московского подъезда.

Встретила она недавно свою соседку по этажу – ближе не бывает. Смотрит, а у той вот такенный синячище под глазом!

– Что это с тобой, Лид? – посочувствовала Таня.

– А, ерунда, со стремянки упала! – беззаботно отмахнулась Лидия.

А Таня, дура такая, еще подумала: то-то у них грохот ночью недавно стоял! Это Лидка со стремянки загремела!

На самом же деле было вот что.

Прямо над Лидкиной квартирой, этажом выше, живет генерал, не очень молодой, но вполне боеспособный. И вот они, Лидка с генералом, как-то в лифте по-соседски перемигнулись, пошутили. Возник контакт.

Вскоре после этого выходит как-то Лидия теплой летней ночью на лоджию, вдыхает запах сезонных туманных испарений, странно томится, мечтает о своем... А сверху генерал курит. Перегнулся, видит: Лидка стоит, мечтает. И он ей чисто в шутку так говорит: слабо, мол, ко мне? И Лидка, тоже в шутку, хоп-хоп – и у него. Залезла в момент. Она вообще хоть и сильно крупная, а ловкая и хваткая.

И тут же, на генеральском кафельном балконе, состоялось нечаянное счастье. Генерал просто обалдел! Бывало, что он сам куда-то карабкался, что-то там упорно форсировал, с риском преодолевал... А тут – такая женщина! Герой-женщина! Других слов и не подберешь!

А все это причем происходило в момент, когда крепким невинным сном хорошо убаюканных младенцев у Лидки в спальне спал ее законный супруг, а в генеральской опочивальне – соответственно законная жена генерала.

Начались еженощные азартные встречи на генеральском балконе. Всем хорошо. Муж безмятежно спит. Жена похрапывает на пуховой подушке. Лидка с генералом, получая повышенную дозу адреналина, радуются жизни на балконе.

Кто кому мешает?

Но вот однажды Лидкин муж зачем-то неуместно просыпается. В самый неподходящий момент. Сначала хватать – нет жены рядом на супружеском ложе. Потом – и в туалете нет! И на кухне воду не пьет! Ну, он пошел в полном недоумении на балкон курнуть. Чтоб хоть что-то как-то спросонок сообразить. А тут сверху спускается в ночной рубашке разгоряченная Лидка! Как десантница прямо на боевом задании! И муж, совершенно обалдевший, зачем-то поднимает голову вверх и сталкивается глаз в глаз с наглым генеральским зрачком! Муж, не менее ловкий, чем Лидка, только более крупный и накачанный, недолго думая немедленно поднимается по проторенной уже Лидкой горной тропе и дает генералу понять, что любым радостям бывает предел, а адреналин... ну, вот те адреналин!!!

Тут на беду просыпается и генеральская жена, которую Лидкин муж попутно вводит в курс дела и советует получше следить за своим маленьким принцем, а то седина в бороду, а бес в ребро. Наглядно, собственными руками, показав генеральскому ребру, как в него инсталлируется бес, муж победоносно удалился тем же путем, какой проделывала еженощно его бедовая супружница Лидка. После чего Лидка «падает со стремянки» и долго просит прощения у обиженного супруга. Как-то они в итоге находят общий язык.

Непонятно с женой генерала, которая, собственно, и поведала Тане продолжение истории про синяк и стремянку. Она, узнав о гусарских похождениях мужа, принялась глубоко анализировать события балконной жизни и пришла к выводу о собственной вине во всем случившемся. Раз, говорит, это было, значит, ему чего-то не хватало! Значит, что-то во мне не так! Может, надо имидж сменить?

И правда – пошла поменяла имидж! Такая стала – фу-ты ну-ты. Теперь, наверное, книги по сексуальному воспитанию читает. Меняет себя.

После веселой истории со счастливым финалом пришел черед другому рассказу.

Одна их общая хорошая знакомая в Индии сейчас в себя приходит от глубокого потрясения. Семь лет благополучно жила с мужем. Все было, как на рекламном ролике «Семейное счастье». Муж – достаточно молодой преуспевающий банкир. Полеты на каждый уик-энд в самый лучший отель самой интересной страны. Настя, жена, сразу как поженились, родила ему двойню, причем, как по заказу, девочку и мальчика. Красавцы дети. Быстро вернулась в форму, стала краше прежнего. На всякий случай через полтора года опять родила. Девочку. Испугалась, что мужу хотелось сына, родила через год парня. Проблем не было: няньки, бабушки. Она, чтоб не числиться в мужних женах, а быть настоящей, к тому же деловой, женщиной, завела себе дорогой магазинчик, где зверствовала по-черному с персоналам, срывала, видно, накопившееся раздражение. Трудно все же быть идеальной женой! Но магазин очень помогал. С мужем благодаря выпусканию паров в бутике держалась она большим молодцом: духи, шелка, улыбки, цветы. Просто идеальная примерная мать и жена.

И вот однажды она, причем по его же просьбе, лезет в его прикроватный столик, чтоб передать ему с шофером какие-то документы на машину, а под документами видит квитанции на покупки в дьюти-фри, оформленные на имя некоей Натальи Плутенко, причем шопинг совершался в Милане в то самое время, когда там в деловой поездке находился верный супруг и многодетный отец. И сумма шопинга – двадцать тысяч евро!

Настя окаменела. Передала требующиеся документы ожидавшему в прихожей шоферу. Бумаги на покупки засунула поглубже. Поехала скорей в салон, навела красоту, детей с няньками – в загородный дом, устроила ужин при свечах. Все – просто прелесть.

Она убеждает себя, что найденные бумаги не имеют никакого отношения к ее семье. Ну, мало ли какая баба летала с мужем по делам в Милан. Живут дальше.

Опять муж в зарубежной командировке. Все хорошо. Прилетает, подарки, поцелуи – живи и радуйся. Она уже совсем успокоилась. Радует, а почему бы нет? В магазине уволила пару продавцов для полного счастья. Дома спокойна и безмятежна. Верная домработница берется распаковывать чемодан супруга. Он, кстати, на работе. Настя красится перед выходом.

– Ой, – говорит домработница, – смотрите, Настенька, что тут случайно у Сергея оказалось!

И вытягивает из чемодана женские трусы! Пару за парой! Грязные!

У Насти в глазах темно. Но она – железная женщина. Глазом даже не моргнула.

– Сергей с мамой летал. Она только что звонила, смеялась. По ошибке белье к нему в чемодан засунула.

А трусы... Стринги... Кружевные, со стразами. В общем, мама та еще должна быть, если увлекается такими многообещающими аксессуарами.

– Давайте мне их в пакетик, я сейчас ей завезу, – велит Настя.

По дороге она, естественно, все это мерзкое дело выбрасывает в ближайшую помойку. И понимает наконец более чем отчетливо, что, безусловно, есть у мужа любовница, причем хорошо, если всего-навсего одна. Или плохо? В общем, хоть она и в смятении страшном, а осознает, что этими погаными грязными проститутскими трусами конкурентка дает ей, жене, знать о своем существовании. Такая азбука Морзе: я тут-тут, тут-тут-тут, давай поскорее скандал, выгоняй мужа, а я быстренько его пойму и приму. И еще Настя понимает, что, в

принципе, так устроена сейчас жизнь, что никакими многочисленными прекрасными и воспитанными детьми и никакими громкими скандалами и ультиматумами, а также уверениями в вечной великой любви она не удержит своего завидного во всех отношениях мужа. Поэтому она решает молчать. Не обращать никакого внимания. Даже если стадо любовниц выстроится в очередь перед ней и будет потрясать самыми вескими доказательствами измены мужа, она будет смотреть сквозь них, как сквозь чисто вымытое стекло. Только в этом случае есть у нее шансы на победу в конкурентной борьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.